

84P6

Ф. 53

**Владимир
Филимонов**

**Пора
цветения**

12 пр

Э.К.

84Р6
Ф 53

**Владимир
Филимонов**

205834

Пора цветения

205834

город Курган

2003 год

Окб

* * *

*Ах, мой упрямый, дерзкий карандаш,
С бумагою повежливей и скромно,
Чуть-чуть нахально, но не вероломно,
Ей говоря лишь: "Вы...о вас...я ваш..."*

*И нет сомнений в том, что застучит
Ее сердечко за тугою клеткой,
Когда строкою, влюбчивой и меткой
Ты прозябанье скрасишь ей в ночи.*

Муравейник

Гляньте, справа от дороги
Шевелящийся и строгий,
Где растёт густой репейник,
Появился муравейник!

В кучу сорные излишки
Натащили муравьишки,
Протоптали эти крошки
Пешеходные дорожки.

Не найдет сестренка брата
От рассвета до заката,
Переходы, этажи,
Перекрестки, виражи.

Не понять, где мамы, папы,
Шустро шевелятся лапы,
Собирают челюсти
Лакомые прелести.

В глубине большого сада
Тлю "подоят", если надо,
Тащат беспилотного
Червячка болотного.

Здесь за труд не дарят денег,
Но не дремлет муравейник,
Часовой у входа
Нюхает погоду.

Если дождик будет,
Муравьи, как люди,
Двери закрывают,
На бочок и – баю.

* * *

Сторона моя, сторонка!
Твоя ширь весною звонка,
В осень – дрёмна,
В лето - сыта,
А зимой в снега зарыта.

Уходящей зиме

Не плачь, хорошая зима,
Капелью тающих сосулек,
Отгомонят под осень ульи,
И снова ты придешь. Сама.

А нынче, что ж, теплынь в чести,
Ее и люд, и птицы ждали,
Ручьями вспаханы пути,
И на парах повисли дали.

Но с каждым месяцем ты ближе,
Подвластен мир простой игре:
В жару мечтаем мы о лыжах
И о маслятах в январе.

Весна

1

Весна идет! Для восходов очень кстати
В полях тепла раскинутая скатерть.

Пусть первый писк шального комара
Спать не дает до самого утра,
Пусть пахнет сыростью над бороздою воздух,
Но лунным светом вымытые звезды
У дуба обрывают с высоты
Последние непавшие листья.

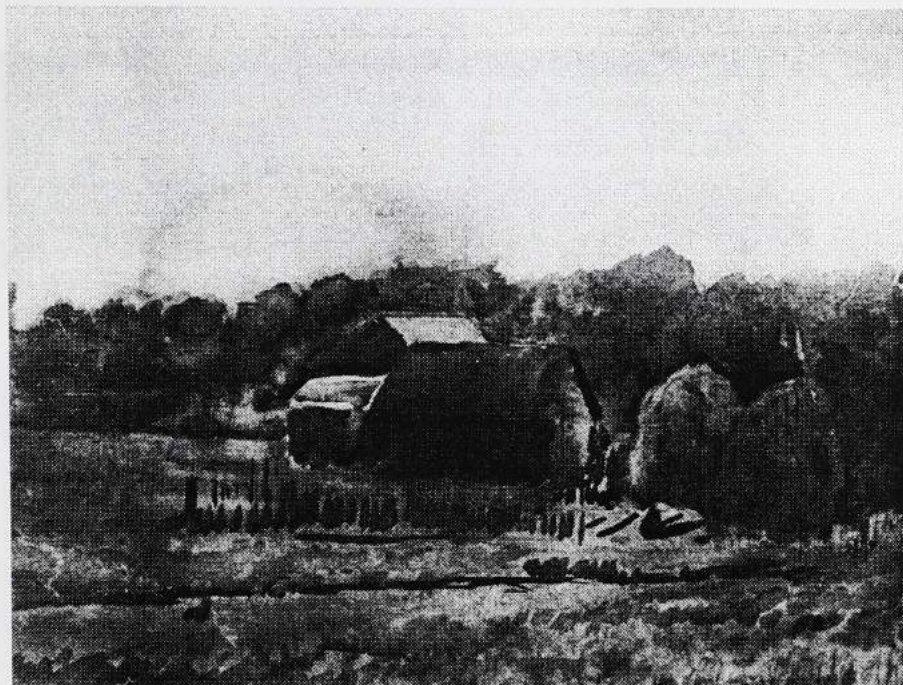
По вечерам подолгу не свежает.
И пальцы девичьи тончают и нежнеют.
И кланяются ласковой природе
Будылья бурьяна на огороде.

2

Воздух шумен от птичьего крика,
Позади час кочующих стуж.
Как весной всегда многолико
Отражение в зеркале луж.

На водопой

Середина лета

Рощи – стаей, деревья – порозно
Галок парой, а то и по пять,
Наряжаются в новые гнезда,
Заполняются пухом опять.

До землицы тепло размесило
Санний след. Нынче солнце в чести!
Ведь весны животворная сила
Заставляет и мётлы цвести.

Путь на свет намечают побегии,
А озерному льду, знать, судьба –
Быть свезенным в скрипучей телеге
И схороненным по погребам,

Чтоб отдал он последним приветом
Дней февральских седой холодок
И хранил до покосного лета
Прошлогодний, янтарный медок.

* * *

Летний дождь не злой, не сильный,
Меньше ливня во сто крат,
Постамент для снов обильных,
Луж и речек вольный брат.

Затравели огороды,
Что картошки не найти,
С этим фокусом природы
Нам совсем не по пути.

Влаги много, толку мало,
Птичьей не слышать возни,
И сама земля устала
От прозрачной толкотни.

Распушились воробьишки
И, как шарики, сидят.
Говорят, ни дна, ни крышки
У такого вот дождя.

Занял этот дождик клейкий
Все свободные места,
Даже нож из нержавеющей стали
Почему-то рыжим стал.

Дети! рано спать ложатся,
Отказались от "борьбы".
Тут не надо обижаться –
Ведь потом пойдут грибы!

Девушка и дождь

Руки белые, волосы темные,
Очи смелые, возгласы томные,
Грудь вздымается, будто в смятении,
Гибко-стройная, как растение,
Губы алые, слоги попутные,
Речи гладкие – не лоскутные,
Взгляд влюбленный...

Но только не верится,
Что, как дождик,
Ты можешь довериться.

Жаркий полдень

Город пуст. Уехал он на дачу.
На аллеях только старики.
Рыбаки наживку для удачи
Оплевали слева от руки.

Вдалеке от нервных перегрузок,
Временный себе создав уют,
Воду мутят мамы, карапузы,
Папы от детей не отстают.

Лень во всем.
Медлительность солдата –
Лучшее свидетельство. Жара.
Газировка льет из автомата
Нехотя, как будто из вчера.

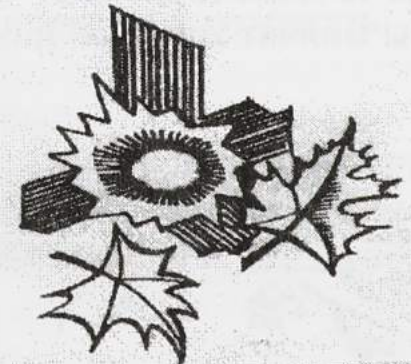
Вязнут мысли в изобилье света,
По каналам замерла вода.
Красит кожу черно-красным лето.
Лишь гранит холоден, как всегда.

* * *

Под дождями лето тает,
Листьев бегают гурьба.
Плачет, не переставая,
Водосточная труба.

В сентябре промерзнут боки,
В октябре спадет вода,
И замерзнет плач на стоке
Толстою сосулькой льда.

Хрупкий плен сколов случайно,
Ты, как будто под стеклом,
Ноября увидишь тайну –
Лист последний над селом.

Осень

Река глядит, не улыбаясь,
На опустевшие луга,
И пена грязно-голубая
Стучится мягко в берега.

Над снами жителей подводных
Рыбак не хлюпает веслом,
И стаи рыб полуголодных
Уже не множатся числом.

Озябший плотик одиноко
Всем телом к камышам приник.
А где-то далеко-далёко
Зимы маячит хладный лик.

Грустная песня

У речки, тень бросая длинно,
От дома в полукилометре,
Росла веселая рябина,
Кудрявясь на холодном ветре.

И в пору вешнего цветенья,
Срывая почек клейких путы,
Она дарила шелестеньем
Мне терпко-сладкие минуты.

Бывало, надо и не надо,
Я шел знакомою дорогой,
Чтоб постоять немного рядом
И ствол ласкающе потрогать.

Мы оба были неповинны,
Что не прошли сквозь зиму злую.
Вчера я гроздья той рябины
Обжег прощальным поцелуем.

Путешественники

День был чудесен, тих и безветрен. Ярко светило солнце, искрился снег. Словно рельсы, блестела накатанная лыжня и манила в глубину леса. Ровная поверхность полей казалась мертвой пустыней, лишь кое-где торчали глызы высоко поднятой пашни. По согнутым почти до земли будылям конопли и бурьяна перепархивали неугомонные снегири в поисках остатков былой роскоши – семечек и мелких насекомых, теперь замерзших и скукожившихся. Дымы из труб поднимались строгими столбиками. И даже курьдомоседки, обманутые покоем и кажущимся теплом зимнего солнца, робко бродили в полумраке курятника с тайной надеждой на скорую свободу. От озера бежали звуки сталкивающихся клюшек, хоккейные бои детворы были в самом разгаре.

За коровником возле копны сидел на санках мальчик. Поручение от бабушки выпало ему трудное – натаскать сена в коровьи ясли на два дня. Южная сторона копны была теплой и ласковой, мягкой и душистой. Пахло летом, и воспоминания о

рыбалке будоражили мысли.

“Вовка, где ты?” – раздался голос соседа. “Здесь я” – ответил Вовка и подтянул ноги в валенках не по размеру, когда из-за копны буквально вывалился весь в снегу и в косо нахлобученной шапке друг Колька. Зима не погасила его веснушки и они сияли на лице, как маленькие солнышки. “Чего расселся, пошли в лес, договаривались же” – с ходу закричал он. “Не могу, - ответил солидно Вовка, - устал потому что” – и откинулся на захрустевшее сено. “Какой устал?! Еще месяц и таять начнет!” – возмутился Колька и с силой потянул друга за рукав. Поборовшись для вида, они надели уже приготовленные лыжи и, не торопясь, щурясь от слепящей белизны поля, пошли в недалекий, замерший лес.

Пройдя с километр, друзья свернули в просеку на старую порубку, сняли лыжи и, утопая в снегу выше колен, натаскали небольшую кучу хвороста. И вот уже горит костерок, шипя от подтекающей воды. Заостренная самодельным ножом палочка пронзила ломтики сала, затрещал капающий жир, заботливо собираемый на кусок хлеба, запахло оттаявшим за пазухой

луком. “В жизни не ел ничего вкуснее” – прошамкал набитым ртом Вовка, и Колька, аппетитно уплетающий свою порцию, согласно кивнул головой.

Перекусив, друзья развеселились. А тут еще на Кольку, отошедшего по малой нужде, с наклонившейся березы рухнула шапка снега, и он стоял, как маленький сугробик, не зная, то ли плакать, то ли смеяться. Нашлось и развлечение: с огромной кучи лежа кувырком вперед они прыгали в снег, пока не устали.

Похолодало. Пора было возвращаться домой. И друзья пошли через лес напрямую, пробивая след по молодой, сосновой посадке. На одной из полянок перед ними проскочили белые шарики рябчиков, их проводили веселым свистом. Неизвестно

Неизвестно откуда взявшиеся сороки обругали друзей резким стрекотаньем. Показалось поле.

И вот тут-то из-под Вовкиной лыжи взорвался вверх с шумом и треском тучный косач. С перепугу Вовка шарахнулся в сторону, повалился набок и вскрикнул от боли в неловко подвернувшейся ноге. Левая лыжина, наткнувшись на пенек, щелкнула и

носок ее сломался. Вовка попытался встать, но снова свалился и заскулил, роняя слезы и растирая их по щекам домашними варежками. “Больно, да? - участливо спросил Колька, - что же делать будем? Может, я за твоим отцом сбегая?”. “Не-т-т, - заныл Вовка, - я боюсь один-н-н,” – и зарыдал уже по-настоящему.

Попытались идти рядом на трех ногах, опираясь на палки – не получилось. Колька попробовал толкать Вовку на одной лыже – то же, через несколько метров он снова падал, с каждым разом теряя силы, набирая снега в валенки и рукава. Деревня ближе не становилась, поле казалось бесконечным.

Остановились передохнуть. Подумав, Колька снял брючный ремешок, поставил три лыжи рядом и перетянул их посередине. “Ложись, - сказал он Вовке, - я тебя так тащить буду”. Вовка лег на спину, поджал ноги, поставив их на кончики лыж, протянул Кольке руки, и процессия тронулась. Дело пошло на лад, вот только лыжня потеряла свою блескучесть и была безнадежно испорчена горе-путешественниками.

А от деревни, поспешая, уже шли

взрослые, обеспокоенные долгим отсутствием детей.

Через четверть часа друзья сидели под одним одеялом на Вовкиной кровати, напоенные горячим молоком, и взахлеб рассказывали о своих приключениях. Высохли слезы, лодыжку стягивала тугая повязка, в печи мирно потрескивали дрова, было тепло и уютно. “Ну, что, еще в лес пойдете?” – спросила Вовкина мама. “А как же!” – хором ответили друзья.

И засмеялись.

* * *

Что детские забавы?

Поиск славы.

А первые мученья?

Увлеченья.

А первые подарки?

Нужно ярки.

А новые постели?

От безделья.

Уходишь в поле?

От душевной боли.

Колотишь в двери?

Это недоверье.

Живем-жуем, совсем не замечая –

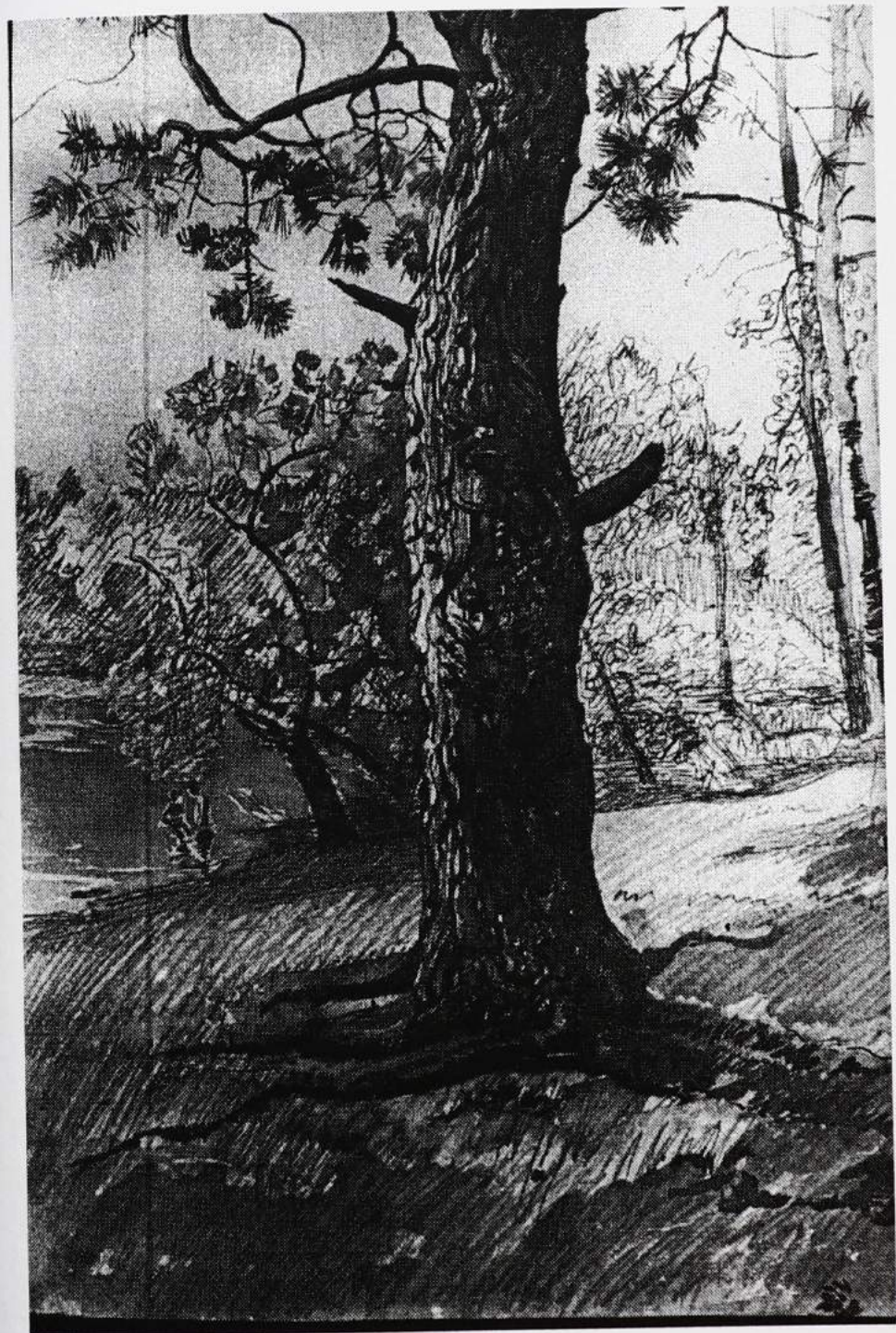
Себя от тонкой мысли отучаем.

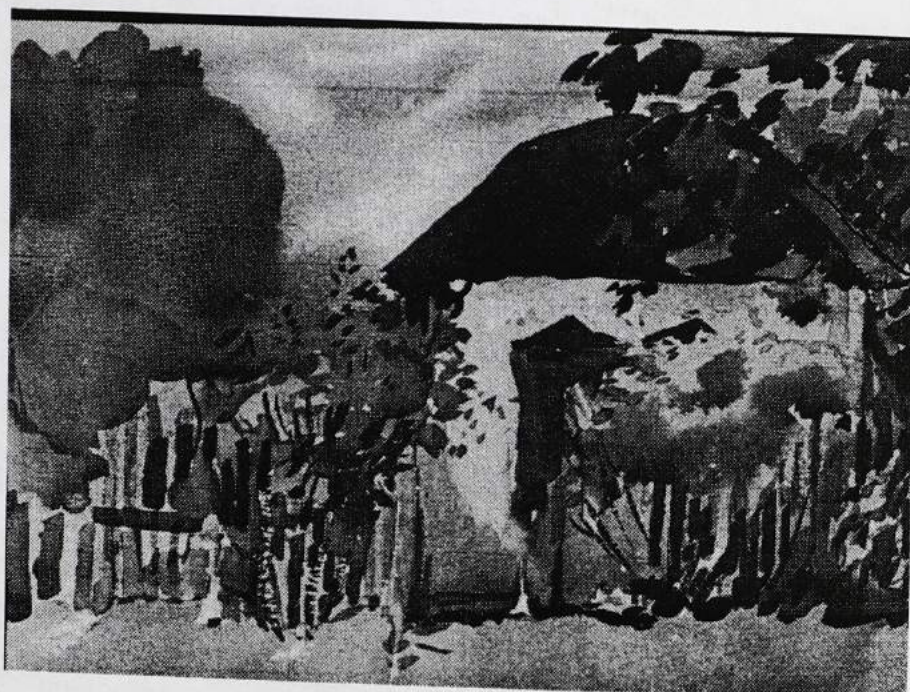
* * *

Мне приснились стихи о далеком былом,
В них прочел я, что без словопрений
Дом, где жил я, еще не отдали под слом,
И он жив под охраной сирени.

В его сердце-печурке – манящий огонь,
Тесен стол от еды изобилья,
На плечах моих грузик курсантских погон
Легок так, как легки только крылья.

Бьют спокойно и мерно стенные часы,
Приближая отъезд утром ранний.
И прочесть до конца, и проснуться нет сил,
Может, сил, а скорее – желаний.

Дачка

Старинная песня

Что так раскричались злые вороны?
Веют страх на все четыре стороны...
С жизнью чьей они опять прощаются?
Мне вернуть любовь не обещаются.

Расплелась коса, банты утеряны.
Раз кричат – в моей беде уверены.
Я сама устала ждать любимого
Из глухих лесов, тумана дымного.

Ох, не тешь меня, подруга, сказками.
Убегу я на болото вязкое,
Погадаю на икре лягушечьей,
Где теперь гуляет моя душечка.

К ведунам пойду, к соседской бабушке,
У нее гадальные оладушки,
Они правду мне расскажут запросто,
Кто придет ко мне назавтра свататься.

Я отцу, как на духу, пожалуюсь,
Что другого я люблю и жалею,
Пусть ударит плетью крутоострою,
Залечу рубец водою росною.

* * *

Я не любовник легкокрылой Музы...
Но если действием упряма,
То нет приятнее и легче груза,
Чем этот груз –
Двухстопный ямб.

Стихи не вдохновенье, а работа
Под жарким солнцем на току.
Трудись! И за страничным разворотом
Увидишь, верь, свою строку!

Притча о колодце

В дань отживающей моде
Рыть стали новый колодец,
Прежний забили со стуком
Всем, что попало под руку.

Старый надсадно, устало
Влаги давал очень мало,
Вот его и наказали –
Наглухо сруб завязали.

Люди копали неделю
Плотную, вечную землю,
Но глинозем суховатый
Не прилипал на лопаты,

Но из ячеек оплетки
Корни хлестались, как плетки,
И на лицо и колени
Сыпались вялые стенки.

Сплюнули люди сквозь зубы.
Буры, железные трубы
Быстро, надежно, умело
Сделали трудное дело.

Часто, но с пленкой бензина
Есть газвода в магазинах

Пятак

Что же сделал ты не так,
В шкафчик брошенный пятак?

Полустерта цифра, год,
Непрерывно и без льгот,
Ты ходил, видать, по свету,
Выручал простой народ.

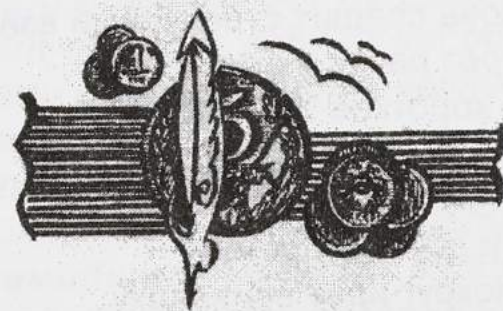
Кант искромсан чем-то острым,
Вмятина в больном боку,
Жаль, что не считал ты версты
В медном, трудовом веку.

Был с прилавком очень дружен,
Зажигал искру игры.
А теперь кому ты нужен?
Шайба. Только без дыры.

Ты упорно узким тазом
В щели касс любых влезал,
Но за жизнь свою ни разу
Не видал метро в глаза,

С мелочью крутил романы,
Не грустил, не унывал,
И, бывало, сквозь карманы
Ноги женщин целовал.

А теперь твой друг и брат
Только пыльный нумизмат.

* * *

В сырость вязкого тумана
Не без внутренней борьбы,
Поднимает спозаранок
Нас с постелей звук трубы.

Быстрый завтрак. И на стрельбы
Вновь спешит стрелковый взвод
Через речку, мимо вербы
По короткое "Вперед!"

Автомат под плащ-палаткой
И подсумок у ремня,
А вокруг идет вприсядку
Дождь по веткам и камням.

Чавкнет лужа, разлетаясь,
Стайкой брызг под сапогом.
Взвод стрелковый наступает
Шагом и опять бегом.

А итогом всех лишений –
Точен, делу очень рад,
Ставит точки на мишени
Безотказный автомат.

Озеро

Жило в одной деревне озеро. Оно
бывало разным.

В начале зимы, когда лед был еще
тонок, то подброшенный вверх камешек
падал на него со звуком, будто зажатый
"язычком" стучали по стенке колокольчика.
Быстрый и опасный бег по такому льду
будоражил под ним воду, и непрочный, с
пузырьками воздуха, покров, волнообразно
разбежался по сторонам.

Если ударяли морозы, а снег не
родился, то было странно смотреть из
мира замершего в мир живой, под
прозрачной крышей которого шевелились
водоросли, плавали рыбки, а в глубину, уже
невидимую, уходили стебли камыша. Лед
был темно-синим, полыньи черными и
манили к своему краю какой-то
притягивающей жутью. Не знаю – зачем,
но иногда, бросив на лед доску, я на животе
подползал вплотную к этим ямам и,
протянув через страх напряженную руку,
касался холодной, вязкой воды.

А если снег выпадал вместе с
морозами из тяжелого, давящего неба, то

озеро превращалось в пустыню, лишь кое-где лохматясь шапками льда вокруг прорубей.

Зимой озеро было чужим и неприветливым, как дальний и малознакомый родственник.

Но наступала весна, озеро преображалось и оживало, и показывало свою силу, поступая вплотную под бани и обрушивая береговые тропинки. Буйные воды не могли сдержать ни плетни, ни отслужившие свой срок шины. На подмогу к озеру спешила талая вода! И разливалось половодье, делая непроходимыми прошлогодний коровий водопой и дорогу к зерновому току. Начинали набухать и колыхаться лабзы, изредка отрываясь от материка и неприкаянными островками мотаясь по волнам. А в берег билась зеленая пена с останками самодельных хоккейных ворот и конфетными бумажками от проводов русской зимы.

Озеро умывало себя от зимней спячки и готовилось к будущим свершениям.

И они не заставляли себя ждать. Теплые краски летнего озера принимали нас в свои объятия до позднего вечера.

Песчаные замки, ловля горбунцов для наживки, щекотка мальков по голым ногам, хлесткая струя из детдомовского брандсбойта, прыжки с нырялки, шевеление поплавок поклевкой, строительство плота, скрип уключин, лунная дорожка с темными точками диких уток, маленькая девичья грудь в руке под водой – все это щедро дарило нам озеро, как бы прося не забывать дни детства.

А вот озеро осени мне не помнится. Только раненый лебедь долго плавал в нем и пропал куда-то, да коричневые трубочки камыша, порванные ветром, разбрасывали пух, который тут же падал, сраженный картечью дождя.

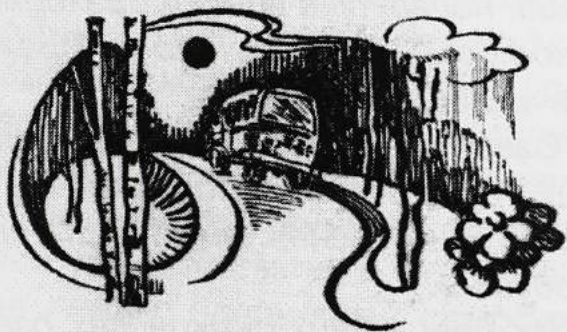
Озеро осени становилось сиротой при живых родителях: подземные ключи иссякали, а небесная влага была скудна и равнодушна.

Их два, наших сумкинских озера, то пустых, то шумных, ласковых и не очень. В них осталась частица нашей души, вращаясь в лед, оживая с первым теплом, купаясь до синевы на губах и замирая от одиночества.

В автобусе

В дороге легче прикоснуться
К душе друзей, к уму других,
В дороге лучше улыбнуться,
Чем вспоминать печальный стих.

Под монотонный звук мотора,
Под дружный говор земляков
Мне кажется, что будет скоро
Весь мир без драк и узелков.

Родной тете
Антоновой Александре Яковлевне,
проживающей в деревне Коровье
Мишкинского района

Есть в России селенье Коровье,
(Для страны села – килевый брус),
Там живет моя тетка по крови,
Я племянником ей прихожусь.

И когда я туда приезжаю
На минуты из длинных годов,
То всегда и во всем поражаюсь
Многопудью крестьянских трудов:

Огород, поросята, корова,
Пчелы, дойка, утята, зарод,
Солнце встанет, и с утречка снова –
Куры, боров, семья, огород.

На домашней, колхозной работке
Дел не сробишь семь раз не взопрев,
Не с того ли и пальцы у тетки
Так похожи на корни дерев.

Собеседнику

Не обвиняй меня облыжно,
Что в жизни часто я не прав,
Ведь я четверостишья вижу
В сплетеньи даже сорных трав.

И мысль, что к старому колодцу
С ведром никто не подойдет –
Меня на миг с ума сведет
И в сердце строчкой отзовется.

В ожидании свидания

Предвижу все: обилие речей
И первое касание плечей,
Застежек легкий, кастаньетный стук
И торопливость озорливых рук.

Предчувствую согласие из глаз,
Отрывистость ночных, невнятных фраз,
На лицах бледный отсвет фонарей
И краткое прощанье у дверей.

В преддверье все, что будет,
А пока –
Скамейка, куст сирени, облака...

Ночной марш-бросок

Проводится так марш-бросок:
Диктуются сжатые сроки,
И вот место сбора – лесок,
Команды, маршрутные кроки;

Глухой разговор “кирзачей”,
Дыханья второго усталость,
Отсутствие шуток, речей
И к собственным мускулам жалость;

Хрипящая выпренность фраз,
Привал, дурнота сигаретки,
И яркие искры из глаз
От ткнувшей в надбровие ветки;

К земле спину гнет вещмешок,
За плечи кусает все злее,
Прилипчивый, быстрый слушок,
Что путь впереди тяжелее;

За шаг над собою борьба,
Щекотка капли соленой...
Военная наша судьба,
Нелегкие наши погоны.

* * *

Как женщины недолог век.
Вот к тридцати уже морщины,
Все реже смотрят вслед мужчины,
Редееет круг друзей, коллег.

Но – миг! Она преобразилась
В прикосновении к стиху!
И говорит, как на духу,
Поступками являя милость,
Прощая, будто в первый раз,
В халате, будто бы в наряде,
И нет уже морщин у глаз,
И брызжет сок из спелых фраз,
И свежесть юности во взгляде!

Александрю Пушкину

1

Хвала вам, смуглый, черноокий,
Не доживший до седины,
Своим пером родивший строки
Во имя бурь и тишины.

Кто, кроме вас, в российском крае
Мог до кипения в крови
Так жить, то от любви сгорая,
То зажигаясь от любви.

Я вместо вас пошел бы в ссылку,
Иль встал бы в рост под пистолет,
Чтоб вы успели в лет копилку
Вложить еще один сонет.

Вот потому-то и до срока
Сгорела не одна звезда,
Что гениальность одинока
Тогда, сейчас, потом.
Всегда.

2

*Получив отказ в браке
с Н.Н.Гончаровой,
огорченный А.С Пушкин уехал
в действующую армию на Кавказ.*

Поэт, на краешек земли
Вас унесла эпоха Ваша.
В Москве осталась Натали,
Для дворни – барышня Наташа.

Непритязательный ночлег,
Дороги пыль, жизнь кочевая,
Коней неуловимый бег
Да Ваша Муза боевая –
Вот Ваш удел.

Как хорошо
Открыто и свободно драться,
Шутя со смертью палашом
В долине бурного Аракса.

Вас ждет восторженный Арзрум,
Раскрепощенные народы,
И отдых от тяжелых дум
В объятьях каменной природы.

От этих задушевных бурь
Изменчиво не открещайтесь,
И к Ней в Москву не возвращайтесь,
Не уезжайте в Петербург.

Поэт, Вам счастливо судьба
Впервые в очи посмотрела...
Но будет свадьба, пышный бал
И счастье будто.
До расстрела.

3

То беспечный, то лукавый,
Враг условностей и уз,
Продолжатель русской славы
И дитя парнасских муз,

Не старея век от века,
Властелин Всея Земли –
Вы остались человеком
Даже в бронзовой пыли.

4

*В 1879 году похоронная процессия
с прахом А.П.Керн встретилась на
Тверской с монолитом для
памятника*

А.С.Пушкину

Минули дни в начале века.
Приблизился грядущий век.
Случайно встретил человека
Тот, только в камне, человек.

Поэта глас – уста младенца
Бредущего поводырем.
Как жаль, что не забьется сердце
Под похоронным газырем.

Отринуть бы движеньем броским
Ему – все дантовы круги,
А ей, как в бытность, под Тригорским
Услышать Сашины шаги.

Хоть встречи разные случались,
Но эта – вовсе не беда,
Разъехались. И попрощались.
Теперь, должно быть, навсегда.

Как память о первой любви

1

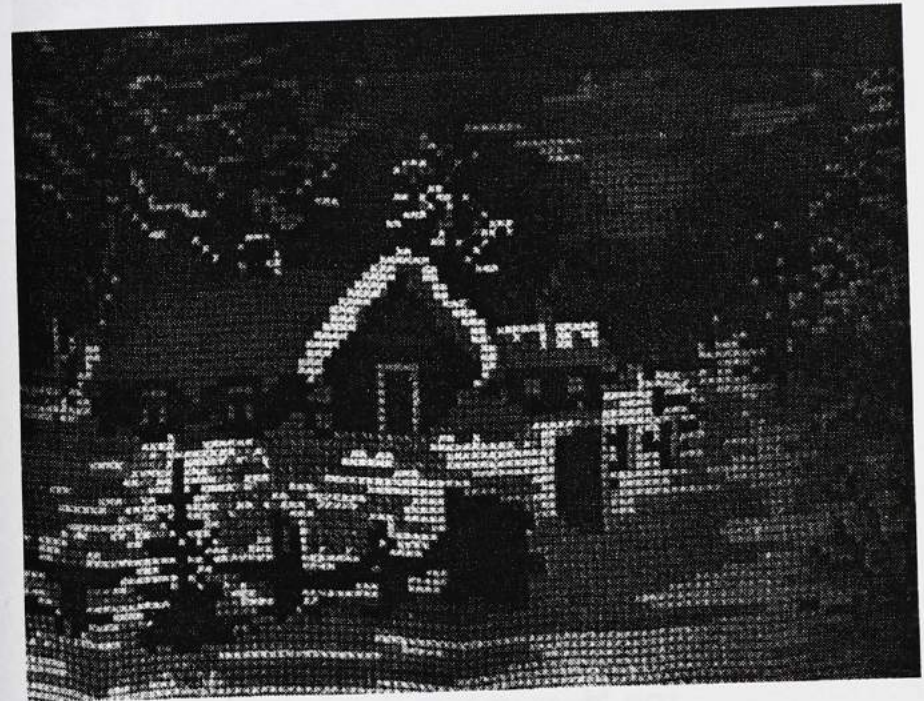
Любила или не любила?
Что толку спорить о былом,
Но хорошо вдвоем нам было
В скирде соломы за селом.

Шапталось как - то беспокойно,
Хоть тихо ночь цвела вокруг,
И я впервые под рукою
Познал чужого сердца стук!

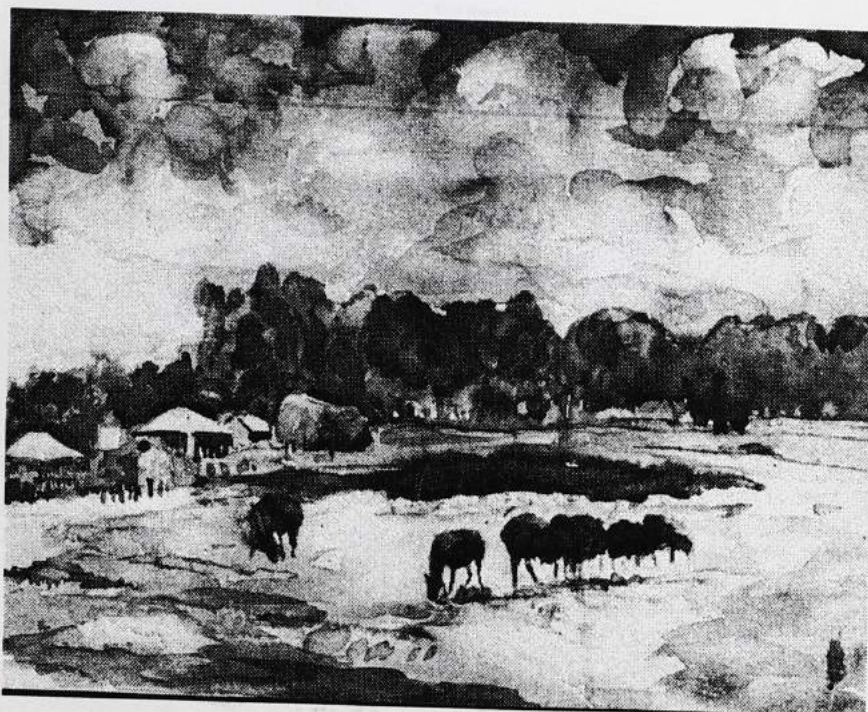
2

Я был печален. Но прошла гроза.
Сил напитав от поцелуев грома,
От некогда знакомого мне дома
Я без усилий отвратил глаза.

В кювет, как в придорожную суму,
Упала вскользь последняя дождинка,
Знакомо мокрая
Вилась за мной тропинка,
По ней бежала тоже чья-то Нинка,
Такая же, как двадцать лет тому...

Лесная избушка

За околицей

Притча о глупом ручье

Над тихим ручейком сплели
Деревья веточки свои,
И синева хотя бы малость
В воде живой е отражалась.

Прошел однажды сильный дождь,
И ручеек, себе сам вождь,
Сказал: «Доколе мне терпеть,
От влаги собственной потеть!»

Хочу, чтоб неба глубина
До моего коснулась дна,
Казню зеленого врага,
Собой подрою берега!»

Он землю рыл и рыл. И вот
В течение спешащих вод
Ушли древесные тела,
Не совладав с порывом зла,
Их затянули ил и мох.

А через год ручей засох.

На охоте

Сквозь сон предутреннего дива
С полей стрелой летят чирки,
И бесполезно-торопливо
Хрустят дуплетами курки.

Стремительный и всепогодный,
Рожденный из начала дня,
Полет свистящий и свободный
Чарует простотой меня.

И воздух свисом тем наполнен,
Как семенами, урожай.
Грядет рассвет такой спокойный -
Хоть все патроны разряжай!

* * *

Дома, как и люди,
В свой срок умирают,
Фундаменты печек
В момент разбирают,
Вывозят. И лишь
Валуны угловые
Глядят из травы,
Будто вечно живые,

И век свой влачат
Без проклятий и стонов.
На них пацаны
Подрывают пистоны,
Присядет прохожий,
И правится ножик.
Как хочется быть валуном
И мне тоже.

Приморский край

1

Как же красивы здесь сопки весною!
Пади холодные солнцу откроют
Зимний откинут наряд грубо строгий,
Талии стянут в колечко дороги
И зацветут! Буйны, веселы, звонки,
Снова зеленые, словно девчонки.

Из чистоты нескончаемой силы,
Треск фазанов возродив косокрылых,
В рощице каждой дубочков и кленов
Выбросят чашечки пряных пионов.

Влагой затаит колесную ранку,
Где-то опять поспекает костянка –
Символ таежного корня жень-шеня.
В травах не видно пробитых мишеней.

Рыба на нерест толкается споро,
Утки жируют по частым озерам,
В месте укромном лоза винограда
Вьется, как будто змея зоосада.

Розовопенно бунтует багульник,
Как и везде, просыпаются ульи,
Только и мед здесь имеет свой запах.
Дальний Восток – от порога на Запад.

Так я живу от зимы и до лета,
Летом у сопок другая примета.

2

Летом приходит пора перегноя,
Золотом экспорта тянется соя,
Рис машет издали мокрой метелкой,
В чаще звучит песня-исповедь волка.

Шустро в траве мельтешат фазанята,
Точно такие, как дома, цыплята,
Гроздью в кулак доспевает лимонник,
Голову кружит поломанный донник.

Летом по сопкам туман и прохлада,
Россыпь грибная гостям очень рада,
С ягодой, правда, большие огрехи,
Я соберу черемшу и орехи.

Лето – пора лагерей и учений,
На переправах – беда от течений,
В дебрях зеленых не видно разрыва,
Топят осколки болотца спесиво.

Властвуют часто над крышей тайфуны,
Сопки, как деки, а дождь, будто струны,
Даже березы живут неопратно,
Летом в палатках не очень приятно.

Влажно уходит приморское лето,
Осень имеет другие приметы.

3

Тут наступает другая година:
Осень взрывается желтою миной
И добираются яркие сколки
Даже до самой зеленой иголки.

Нежным румянцем играет осинник,
Первой зеленкою лечится зимник,
И огороды нам дарят упорно
Плакальный лук и картошкины зерна.

Нет грязи в пене морского прибоя,
Небо без тучек насквозь голубое,
Колкость шиповника вмиг утихает,
Сопки стихами и грустью вздыхают.

Ходишь чумной от размывов заката,
Корюшку юркую ловишь лопатой,
С выси внимаешь отчет журавлиный
И обнимаешь рассвет очень длинный.

Нервы разглажены, мышцы упруги,
Утки плывут, как былинные струги,
Осень листом чутко гладит мне пальцы
И угощает нетающим смальцем.

В осень себя распокажет природа,
В сопках чудесно до Нового года.

А вот про зиму писать мы не будем:
Холодно зверю и холодно людям,
В сопки уходят одни звероловы,
Зимы в Приморье жестоко суровы.

Разговор автомата с мишенью

Ты – человек фанерный,
Я – автомат безотказный,
Ты у меня не первый,
Боль не познавший, безглазый.

И мои три патрона
Смерть из ствола высекая,
Резко и беспардонно
Тело твое протыкают.

Первый – откуда тенью
Встал ты с земли, чтоб погреться,
Снова – в солнцесплетенье,
Третий – в трехслойное сердце.

Будет прицел мой верный
И беспощадный будет,
Рад я, что ты – фанерный,
А не живой, как люди.

Счастье артиллериста

Подготовлены данные быстро,
Введены все поправки в прицел,
Счастье есть и у артиллериста –
Выстрел! Пауза-вечность... и – Цель!

Я услышал: весоמו и чисто,
Меж станин обрета свой приют,
Об удаче артиллериста
Гильзы, чокаясь, гимны поют

В честь обученного командира.
Понял он – даже в дождь и пургу -
Долг профессии, слава мундира –
Точным выстрелом бить по врагу.

Четверть века всего командиру,
Ни сединочки нет на виске.
Замерла одиноко и сиротливо
Цель, разбитая вдрызг, вдалеке.

Полигонный дождь

Вот трассы первые дождинок длинноногих
Пронзили пыль на полотне дороги,
И ливень – неучтенный водопад –
Обрушился на Солнечную падь.

На каждом сапоге по пуду весом
Налипла грязь, а над поникшим лесом
Терзает ветер на своем боку
Последнее кукушкино “ку-ку”.

Парит капот усталого мотора,
Как дети блудные, ручьи спешат к озерам,
И за обвальным грохотом с вершин
Уже не слышно говорка машин.

Пилотка первогодка, словно парус,
Плывет в потоке с яруса на ярус,
И всяк, вбежавший под провисший тент,
Похож сейчас на мокрый монумент.

Пограничный дот

Беспокойная судьба...
В амбразуру видно дали,
Нет, в тебе не умирали
И внутри не шла борьба.

Не клевали стены пули,
Не терзал тебя снаряд,
Но стоял ты в карауле
Очень много лет подряд.

Затянуло крышу мохом,
Пахнет сыростью лесной,
И взрывчатка гулким вздохом
Скрыла выход запасной.

И хотя вокруг спокойно,
Ты напомнил о войне.
Дай, поглажу я рукою
Рану-трещину в стене.

Солдатская служба

Из поколения в поколение
Передаются до сих пор
Привычки, знания, настроенья,
Желанья, опыт и задор.

Плохое легче приживается,
Но верю – истина тверда:
Что шатко – то само ломается,
Что прочно – простоит года.

Я принимаю, как обычное,
В раздумье память полистав,
Что не подходит слово “личное”
К таким, как “служба” и “устав”.

После “тревоги”

Прошла еще одна “тревога”,
На рапорты легла отметкой,
Иду знакомою дорогой,
Помахивая вялой веткой.

В бедро кулак противогаза
Колотится ребристой змейкой,
Фонарик смотрит тусклым глазом,
Поссорясь, видно, с батареейкой.

И фляжка полнится пустая
Сонливым, утомленным звоном,
И сапоги мои устали
Месить болота полигона.

А на виски и на ресницы
Прилег налет дорожной пыли.
Молчит довольная граница –
Ее надежно мы прикрыли.

Ночная стрельба

Командам не нужен елей,
Вот резко – вперед! – раздается
И эхо в траве отдается
Качанием тонких стеблей.

Мигает зрачок “пулемета”
И в капельках пота мой нос,
А справа неопытный кто-то
Опять допустил перекося.

Второй магазин не в подсумок,
А локтем прижат за ремнем,
Я думаю тяжкую думу –
Куда я стрелял прошлым днем?

И снова мигают “фигуры”,
Которым не видно конца,
Как жаль, что у пули у дуры
Нет сил от штыка-молодца.

Кому бы мои да заботы,
Сминаю трясущую дрожь,
Приду с рубежа, скажет ротный:
“Мне дырочки вынь да положь!”

Ствол воздух толкает упруго
Мигалки числом сократив,
Все ж будет приятно, коль руку
Пожмет наш суровый комдив.

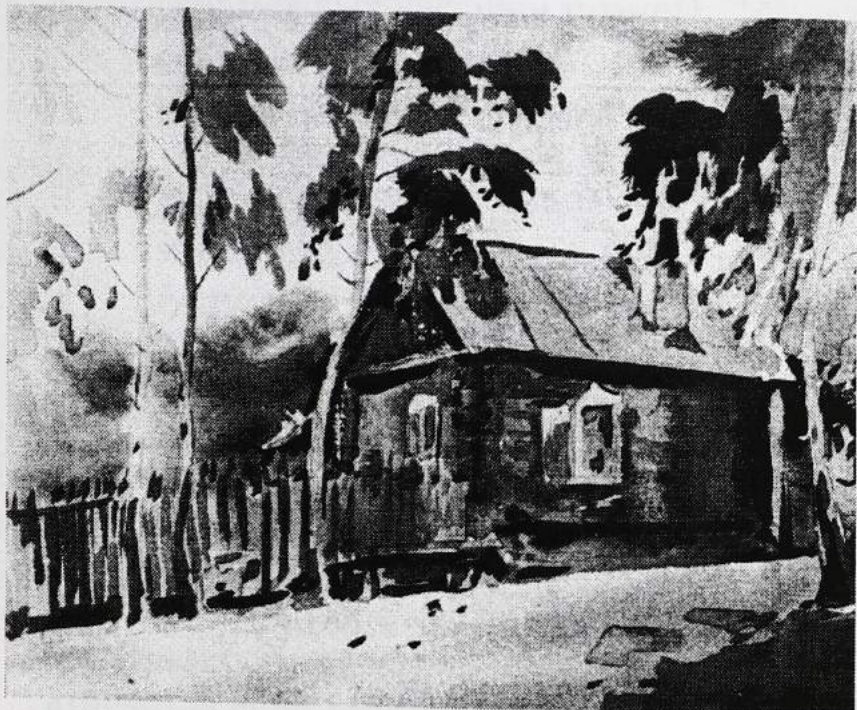
Торчит нерушимо, нетленно
ОДНА! из весенней грязи,
Чтоб только ее поразить –
Готов встать на оба колена!

* * *

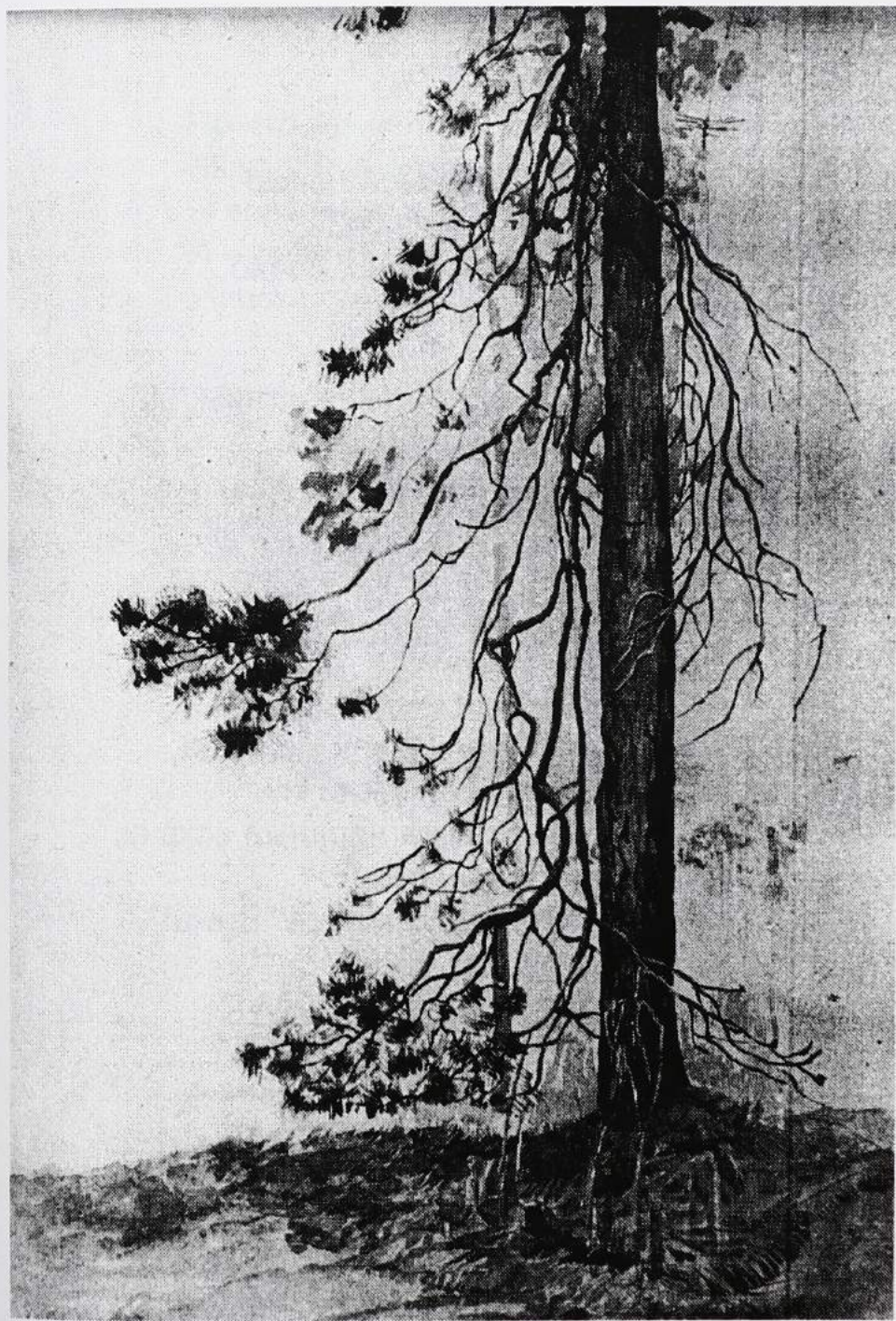
В лычках или звездочках погон –
Крепко помнят боевые другè,
Что оценки ставит полигон
Только за реальные заслуги.

Обрывая с трав росы печать,
Приподняв “реснички” броневые,
Мы приходим новый день встречать
На свои родные “огневые”.

Нынче нам придется попотеть,
Чтоб итога нужного добиться...
Кто слышал, как начинает петь
Из восхода розовая птица?

Старый дом

Я заблудился

Я был один перед грядущей ночью
И к лесу относился, не любя,
Сучки трещали как-то звучно, сочно,
Дыхание не в шутку теребя.

Кусты вставали с строгостью заставы,
На сапоги капканом липли травы,
Мышиный шорох громом резал уши,
Светился пень от фосфора гнилушек,
И светляки мерцали в темноте,
Готовясь к дорассветной суете.

Коль мягко говорить, я был в досаде,
К деревьям приближался, как к засаде,
И удержал в себе в последний миг
Из горла рвущийся испуга нервный вскрик,
Мурашки побежали по ноге,
Когда из-за кустов послышалось “Эге-е!”,
И понял, что почти уже бегу,
Когда вослед мне понеслось “Угу-у!”

Проклятая сова –
Мышиная царица,
Из-за тебя я начал...веселиться.

Но что же делать?
Выход был один:
Я влез на ель, испуган до седин,
И – рядом! из-под дрогнувшей руки
Увидел голубые огоньки!

Письмо родителям с Дальнего Востока

Срубая сорную траву,
За день заботами намаясь,
Не зрите вы, чем я живу,
Не знаете, чем занимаюсь.

В окно тропиночка видна,
Как в Рим, она ведет в Приморье,
Ведь дух шинельного сукна
Растаял в вашем коридоре.

Как и у вас, у нас верба
Пушится на весеннем ветре.
Гремит учебная стрельба
От дома в полукилометре.

Вся жизнь моя - сплошной наряд
С приметой ада или рая.
А в Зауралье, говорят,
Пришла весна очередная.

Синь неба там сейчас чиста,
Как суть есенинского слога,
И между нами не верста,
А десять тысяч, это много.

Давно ль из дома належке,
Не слушая наказов строгих,
Ушел я с прутиком в руке,
В сандалях на босые ноги,

Веселый, дерзкий, озорной,
Охочий до душевных оргий,
То от влюбленности больной,
То от поэзии в восторге.

Бездельником не стал я, нет,
Не прошмыгну вдоль дела мимо,
Но не сумею мне, не успею
Вам запасти дрова на зиму.

Простите мне, что я такой,
Как ртуть сбжавшая, живая,
Что вместо писем под рукой
Кобур и сумка полевая...

На улицах и в парках Северной Пальмиры

1

В парке тихом стареющий клен
От подобных себе тем отличен,
Что штормами насквозь просолен,
Как моряк, и к туманам привычен.

Будто тени обрывочных снов
Возникают из дыма заводов
И теряются между домов
Зов сирен и гудки пароходов.

И пропитаны улицы здесь
Ожиданием нового галса.
Может, город красивее есть?
Может, есть, только мне не встречался.

2

В светлом сумраке белых ночей
До безумия был я ничей,
И влюбился в Неву городскую,
Будто первый весенний ручей.

Вместе с толпами праздных бродяг
Потолкался на площадях,

И под ветром с Балтийского моря
Покачался, как спущенный стяг.

С головою нырнул в тишину
Старых улиц, бредущих ко сну,
Лики живших смотрели из Сада
На стучащую в берег волну.

Петли пискнули что-то сычом,
Когда сторож могутным плечом,
Тяжко стронув чугунные дверки,
Их прибил друг ко другу ключом.

3

Вновь испугавшись отчего-то,
Промчав по Невскому версту,
Взметнулись дико кони Клодта
В Санкт-Петербурге на мосту.

И у божественных Атлантов
Без плети, петли и седла
Хватило мужества, таланта
Сдержать коней за удила.

В лицо и морды ветер колко
Бросает с моря снежный жмых.
Лишь шрам немецкого осколка
Их отделает от живых.

Ташкентское метро

Метро... Восьмое чудо света,
Людей подземная тропа,
Ах, если был бы я поэтом,
О нем стишки бы накропал.

Представить в целом-то нетрудно
Копанье долгое в пыли,
Но как на деле это нудно –
Влезать в нутро самой земли.

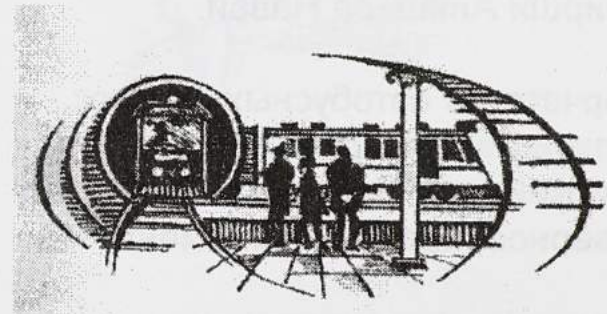
В расклады лестницы ребристой,
В гудящий воздух голубой,
В сиянье сказки серебристой
Ступаю робкою ногой.

И, как всегда, споткнусь на сходе
Капронной вязью каблуков,
Чего там ветры на природе?
Тут ветер из глубин веков!

Не верится, что многопудно
Повисли прямо над тобой
Дома, сады, скамейки, трубы
И кое-где речной прибой.

Бежит-спешит по звонким рельсам
Горизонтальный вертолет,
Тут хочешь плачь, а хочешь - смейся,
Он точно вовремя придет.

Кто ехал так, читая дружно,
Или спешил к своей семье,
Тот скажет: очень-очень нужно
Изобретение сие.

* * *

О, Азия! Тебя я принимаю
И говорю об этом, не тая.
Пускай цветет от края и до края
Твоя благословенная земля.

Под небом и безоблачным, и синим
Я постигал сокровища твои:
Премудрости великого Ибн-сины
И вирши Алишера Навои.

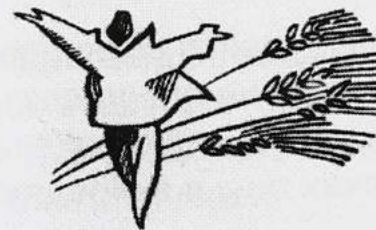
Узорчатость автобусных стоянок,
Спокойствие открытого огня
И гибкий стан забытых персиянок,
Наверное, навек пленил меня.

Снег на горах, как вечные седины,
Ковер садов самум не иссушил,
Базар такой, как в бытность Насреддина,
И Насреддин живой среди машин.

Лишь труд рождает право на удачу,
Цветет пахта и зреет виноград,
И я напрасно слово не потрачу
Когда скажу, здесь каждый город – сад.

И я хочу, чтобы зимой и летом,
В пути или за праздничным столом,
Я говорил всем “ассолом алейкум!”
И слышал бы “валейкум ассолом!”.

пахта – хлопок (тадж.)

Москва

Она: нездешние прохожие,
Поток дубленок и пальто,
Коляски белые морожениц
И быстро-юркие авто.

Реклама – лайка разноцветная -
Пугает ночь на площадях,
Неразбериха несусветная
В тысячах глаз в очередях.

По тротуаровой проталинке
Спешит куда-то стар и млад,
И человек – ребенок маленький
Средь этих каменных громад.

И я движением задерганный
Вдруг пожелаю, как Дерсу,
Сменить огни большого города
На одиночество в лесу.

Январский Киев

Вдоль по улице витринной
Хлопотливо, от души,
Вьюга музыкой старинной
Пешеходов тормозит.

Но продрогшей остановке
За любые полчаса
Хоть в дубленке, хоть в ветровке
Так и тянет заплясать

От морозца удалого.
Почему – я не пойму,
Схлынет стужа – будем снова
С нетерпеньем ждать зиму.

Может, оттого и силой
Не смогли нас взять враги,
Что славянам вечно милы
Песни вьюженьки-вьюги.

“Вечерняя заря”

Горнист, играй “Вечернюю зарю!”
Усиль трубой торжественность минуты.
Когда октавой горизонт укутан,
Я свое сердце строю подарю.

И, повторяясь через всю страну,
Несутся Гимна трепетные звуки.
Закончится поверка – наши руки
Опять в ладони примут тишину.

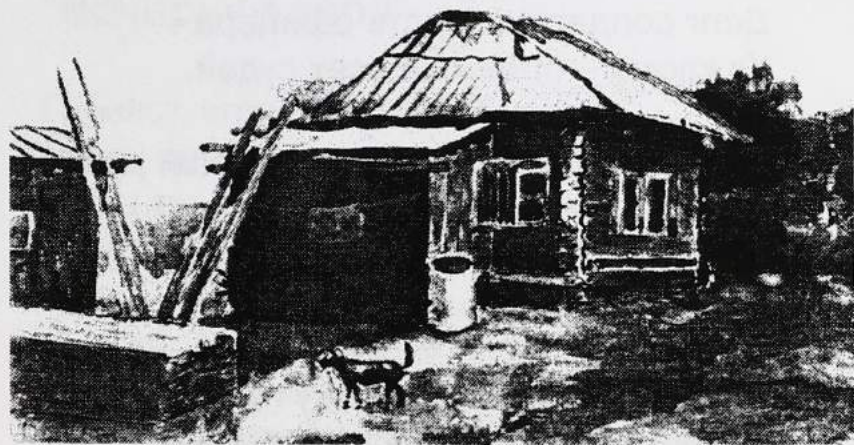
Офицеры

Есть у нас особенная мера
На дела, на мысли, на людей.
Долг солдата, совесть офицера –
Каждому – превыше всех судей.

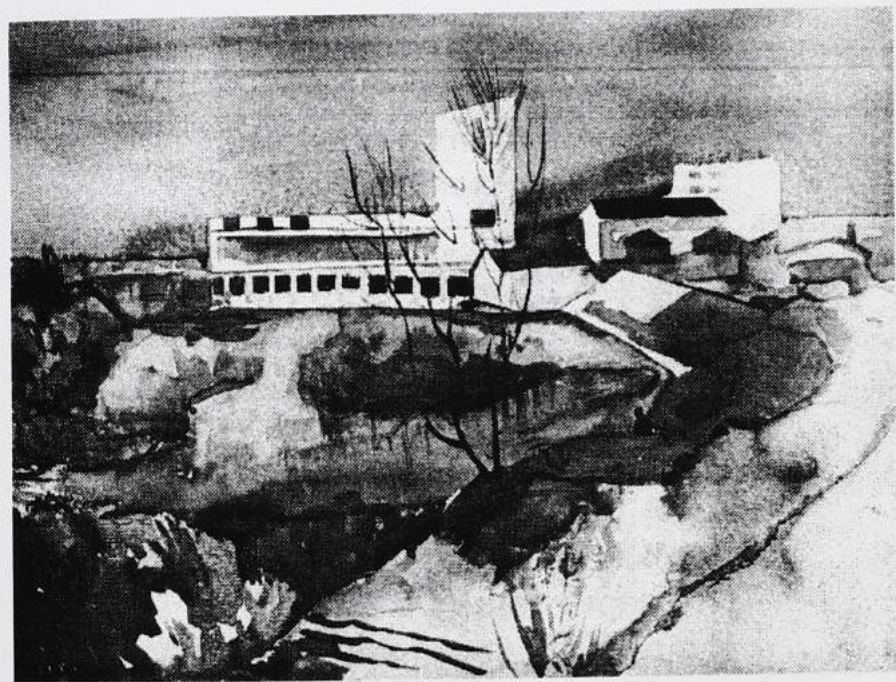
В буднях дней фундамент – наши руки,
Сердце, мама, ждущая семья,
Музыки чарующие звуки,
Виршей приходящая струя.

Ведь немного мыслящему надо –
Помнить павших, думать о живых.
Лучшая служебная награда –
Ордена на стягах полковых.

Потому-то и держать не тяжело
Щит ракетный против силы зла,
Что к плечам зеленая рубашка,
Как вторая кожа приросла.

Сельский дворик

Новая ферма

О вере

Жизнь замерла от крика,
Вся Русь – большой пустырь.
И преподобный Никон
Уходит в монастырь.

И там, колебля пламя,
Пройдя вещуны сны,
Рисует письменами
О будущем страны.

И кто б его не трогал –
Глаголет наперёд,
Что верит только в Бога
И в русский свой народ.

Русь поднялась на вече
И порешила враз:
Врага – огнем и мечем,
Друзьям – калач и квас.

Потом и днем, и ночью
Встречала Русь врага
И – мордой в грязь, коль хочет
Чужого пирога.

И с той поры досюда
Толкает нас вперед
Не вера в чье-то чудо,
А вера в свой народ.

Рассказ отставника

Странные это были места. Спокойные чересчур какие-то. По заросшим протокам плавали непуганые утки, влага неглубокой речушки была прозрачна до дна, высвечивая на ямах темные пятна, а на мелях – желтоватую россыпь песка с увеличенными сквозь призму воды камешками. По берегам – ни утоптанного места рыболова, ни остатков костерков, ни бумажки. Торчащие из речки коряги – жалкие останки обрушившихся деревьев – казались ржавыми частями какого-то гигантского разрозненного механизма. Птицы молчали, рыба не плескалась, хотя и мелькала на перекатах с ножевым блеском, и даже стрекозы, сцепившись по двое, передвигались беззвучно, без обычного потрескивания крыльями.

Какая-то вялость овладевала мной. Бросив полевую кухню рядом со сломавшимся ЗИЛом и под охраной водителя, я пошел по дороге вперед, услышал справа артиллерийскую стрельбу, свернул напрямую и заблудился, все более испытывая желание остановиться и не

спешить. На одном, особо красивом изгибе речушки, я присел и закурил, и сейчас же услышал легкое стрекотанье приближающейся моторной лодки.

Настороженность сменилась радостью, когда я увидел, что в ней находятся двое явно местных жителей, которые помогут в моем затруднительном положении. Увидев меня, сидящий посередине лодки, что-то сказал парню на руле, она сделала резкий поворот и уткнулась в берег метрах в четырех от меня. Стороны молча рассматривали друг друга. Одетый в ватник и кирзовые сапоги старший, как я определил его для себя, был небольшого роста, крепок, лет пятидесяти, со сросшимися бровями, второй – молодой, с отличной фигурой, отсутствующим взглядом и почему-то только в трусах. Молчание затягивалось. “Оттуда?” – наконец, спросил старший и кивнул головой приблизительно в ту сторону, откуда по моим предположениям, слышались раньше давно замолкшие выстрелы. Я кивнул. “Садись”. Я сел на скамейку рядом с ним, и лодка, быстро набрав скорость, понеслась по протокам. Через несколько минут я заметил, что

старший исподволь рассматривает меня. “Ну, и Бог с ним, его право” – подумал я и, перестав обращать на это внимание, стал любоваться пронесившимися мимо дикими местами, не испытывая никакого душевного дискомфорта.

Гонка продолжалась минут двадцать, но, сбавив ход, лодка пошла к берегу. Непонятное явление предстало перед моими глазами. Несколько двухэтажных каменных зданий с фундаментом из крупного бута, с почти полностью обвалившейся штукатуркой – некое подобие короткой улицы, пара сгнивших каркасов плоскодонок, щелевые сараюшки, торчащие в беспорядке колья с намотанной на них колючей проволокой, упавшие караульные вышки – везде и на всем печать запустения. Жестом меня пригласили выйти, и на вопрос – зачем, я получил ответ, что надо перекусить. “Хорошее дело” – подумал я, и уже без опаски пошагал вслед за старшим к первому дому. Молодой остался в лодке.

Ничто не говорило о присутствии человека, но каково же было мое удивление, когда внутри готового развалиться здания, в ухоженной по-деревенски комнате, я увидел

бабку, которую хозяин представил, как свою жену, и девушку лет двадцати пяти, свою дочь. Бабка поразила меня тем, что споро собрала на стол еды столько, что хватило бы на целый взвод, а дочь – неестественной красотой с каким-то неуловимым изъяном, воспринимаемым только подсознательно. Все было вкусно, но меня неприятно настораживало отсутствие прямого, глаза в глаза, взгляда и той, и другой. И еще запомнились стоящие в углу две прялки с бесформенными комками кудели, какие я видел в далеком детстве и был уверен еще тогда, что вижу их последние экземпляры. Попытка заговорить не увенчалась успехом, женщины вели себя, как глухонемые, хотя все делалось быстро по малейшему движению пальцев или бровей хозяина. Так ничего и не поняв, поблагодарив за радушный прием, еще раз подивившись разрушенному, но каменному городку в такой глуши, я снова оказался возле лодки.

Молодого не было видно. И вдруг я с содроганием заметил торчащую из воды возле камышей руку, и испытал ужас, когда старший спокойно подошел к ней, вытащил из воды молодого, встряхнул, сделал

несколько замысловатых пассов ладонью перед его лицом и вдоль тела, кивнул ему на руль, мне – на лодку, и мы тронулись. Через некоторое время я оглянулся, парень правил уверенно, но взгляд, вот взгляд был такой же, как и у женщин – отсутствующий. «Не пугайся, - сказал старший. И добавил – я всех их в разное время нашел на перекате». Я не понял. «Утопленники это» – бросил он и отвернулся.

Всю последующую дорогу я просидел, не шевелясь.

Причалили. Старший махнул рукой и сказал: «Ваши там, в километре. Ты все понял?». Я понял все. И ни единым словом не обмолвился перед сослуживцами о встреченных... людях.

На карте, довольно подробной, я не нашел покинутого городка. Однако доходили до нас слухи, что где-то здесь в сопках были когда-то склады химических боеприпасов, ликвидированные после аварии. Потому и не жил никто в этих тихих до странности местах.

Блокъ.

*Мой взгляд задержался
На строчках стихов –
Жемчужинках русского слова,
И запах салонный нездешних духов
Услышал я явственно снова.*

*Но песни-туман отшептали шелка
И в храмах утихли молитвы...
Видать, у дворянства крепчает
рука,
Коль дело касается битвы.*

*И щедрая лира взошла из-за туч
В обыденном ярка и странна,
И голос раздался, то нежно могуч,
То грозен, как рев урагана.*

* * *

Стихам предшествует волненье,
Тревожащий душевный зуд,
Миг – и словесные склоненья
Меня, как кони, понесут

К веселым детства воспоминаньям,
К тебе, родная сторона,
Ведь неподвластна расстоянью
Стихов захлебная волна.

И я, наездник запоздалый,
Ведь сорок пять годков уже,
Взойдя росточком краснотала,
Зазеленею неустало
На нераспаханной меже.

* * *

Эй, разбойнички лихие!
С дрекольём наперевес,
Вам дороженька – стихия,
Добрый батька – темный лес.

От боярина ли злого,
Его душу загубя,
Вы сбежали от налогов
Или от самих себя?

Иль по крови колобродит,
Не желая утихать,
Мысль: хоть сдохнуть – при народе
Дайте саблей помахать.

Помахали. Долго пили,
Обмывая рухлядь, медь,
Поплевали в куст обильно...
Дух свободы – русским смерть.

Житейская история

Природа ее создала для любви,
Христос ей терпение передоверил,
Она мне ромашки бросала – лови!
А я не ловил, я ей просто не верил.

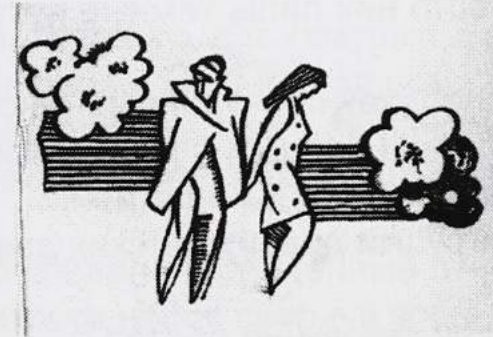
Я встретил ее этак лет через пять,
Она выходила из Сада,
Я к ней потянулся за плечи обнять,
Она мне сказала – не надо.

И тихо всплакнула, приткнувшись за клен,
Который был молнией сломан,
Нет, нет, как и прежде, я не был влюблен,
Не ею я был очарован:

В последнем, сверкающем сполохе дня,
С зажатой подмышкой книжкой,
За нею стоял и смотрел на меня,
Как я, лопоухий, мальчишка.

И мелко, и нервно губами дрожа,
Готовый вот-вот разрыдаться,
Сказал: “Ты мне маму не обижай,
А то буду палкою драться!”

И я отступил. И пошел быстро прочь
По липкому, жаркому лету.
А где-то летели два лебедя в ночь
Все ближе и ближе к рассвету.

Между ночью и утром

Вот и все. Погасли фонари
Из ночного возвратясь полета,
И теперь до утренней зари
Вместо них лишь темные пустоты.

В сполохах причудливых теней
По стене бродили люди, звери,
Прошлые обиды и потери,
И игрушки давних детских дней,

Ехали беззвучно поезда,
Буратино носом сник над коркой.
И мерцала дальняя звезда
Сквозь окно, задернутое шторкой.

В этот миг, всего часа за три,
Жизнь мою мне показали тени.
Ну, спасибо, братцы-фонари
За фантаσμαгорию видений.

* * *

Горсть твердого, как камушки, зерна –
Первоосновы хлебного зачатья –
Рассыпались желтеющей печатью
По краешку асфальта полотна.

Зерно клевали сгорбленные птицы
От сытости набок свернув зобы
Обильными подарками судьбы,
И, тем не менее, старясь торопиться.

Кромсая лапками слой придорожной пыли
И поворачиваясь в профиль и анфас,
Как поразительно они похожи были
На нас...

Другу детства

*Николаю Пономареву,
поэту в душе
и художнику в действии*

1

Мы – доля малая процента
От населения страны,
Но зауральскому акценту
И в дальних странствиях верны.

Мы познаем миры иные,
К работе мчим на всех парах,
Но нас находит ностальгия
Даже в уютных вечерах.

И где-то в середине жизни,
В созревших помыслах чиста,
Любовь к отроческим местам
Переросла в любовь к Отчизне.

2

Я снова жив. Я был в объятьях зла,
Которое дало мне миг подумать
И воздуха глотнуть, и, пусть, угрюмо,
Но вновь начать забытые дела.

Я болен был от мыслей, от судей,
Сам для себя ненужный и постылый,
Но голос твой добавил к действию силы
И я вернулся в стойбище людей.

Я выл, как зверь, из-под следящих век
К добыче зол был, на расправу меткий,
Но видно у меня бывали предки,
Которых брал на привязь человек.

3

Мы допили коньяк дорогой,
Залатали душевные бреши,
И о жизни веселой, другой,
Размечтались, осоловевши.

Он сказал: "Я во сне рисовал
Акварель. Ее взяли на Сотби..."
Я сказал: "Я стихи создавал,
Так они отдались сразу обе..."

Друг потом подливал мне еще,
Много так, что "сомлел я от страха",
А потом сладко ныло плечо
От ударов восторга с размаха.

А потом, повитав в облаках,
Стронув водкой душевные гайки,
Он сказал: "Хватит о пустяках.
Как живешь? Расскажи без утайки".

4

Мой друг, скажи-ка мне на милость –
Что толку в осени сырой?
Теплынь случается порой,
А так одна вода и гнилость,

Чуть горьковатый дым костров,
Кадящих вновь на огородах,
И еле слышный запах меда
В сосновом омуте боров.

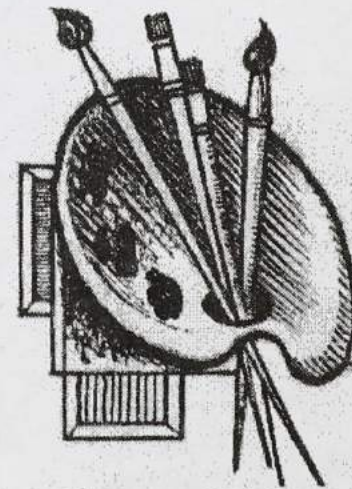
Шелушит шишку крепкий клест,
Пусты грачиные квартиры,
Потеряны ориентиры
В бесстыдной наготе берез.

Как в осень скромн наш удел,
Как никуда из стен не манит,
Как мы растеряны в тумане
Не очень-то любимых дел.

Еще три осени и нам,
Пойдет уже шестой десяток,
На души не нашить заплаток,
Не снится больше детским снам.

И как бы это не хотелось,
Тут возражай-не возражай:
Пойдем встречать с тобою зрелость
И собирать свой урожай!

Сотби - международный аукцион по
продаже произведений искусства

* * *

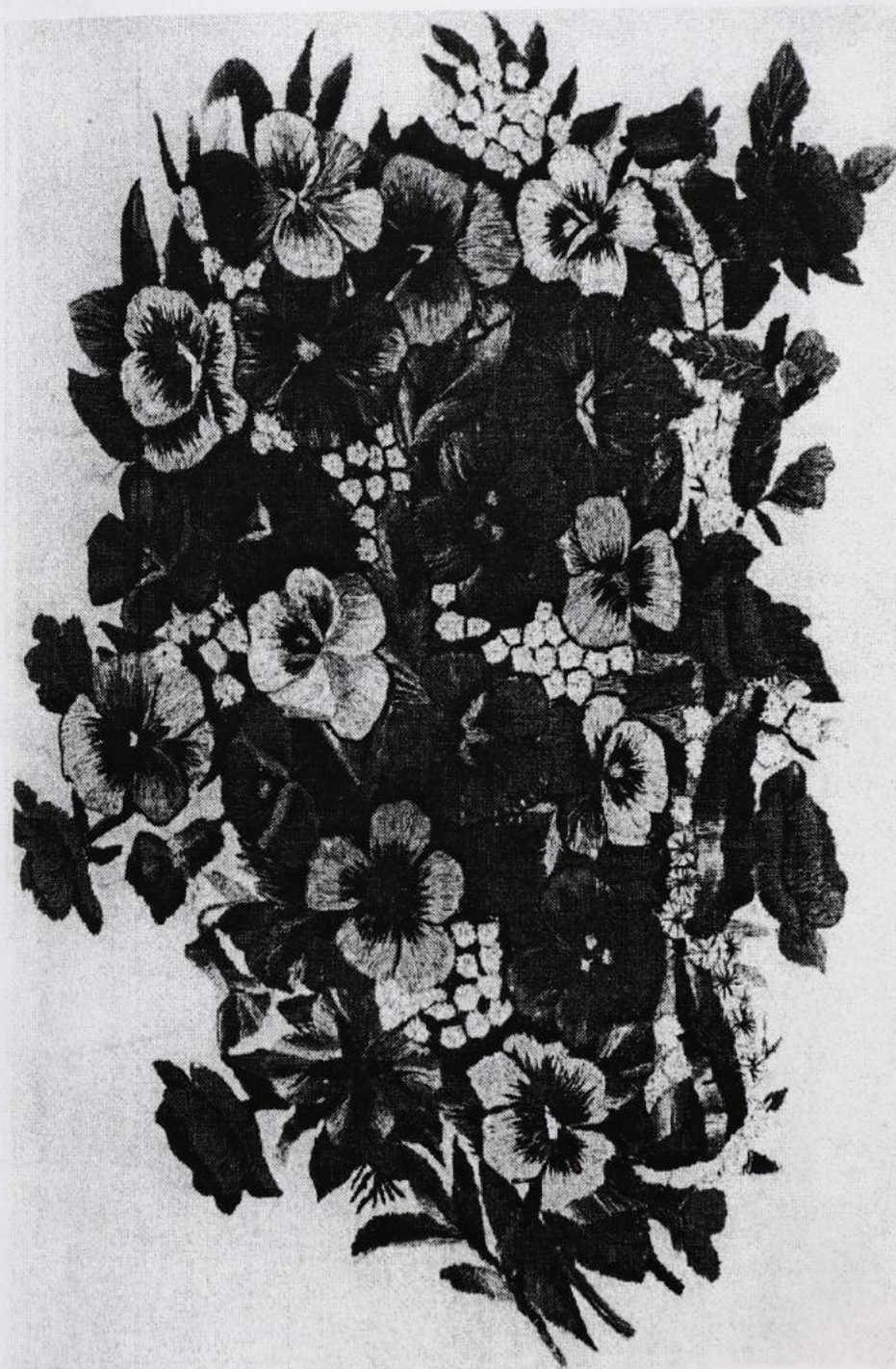
Эмоции, эмоции...
Без меры, без пропорции
Внутри меня плескаются,
Бывает, приласкаются.

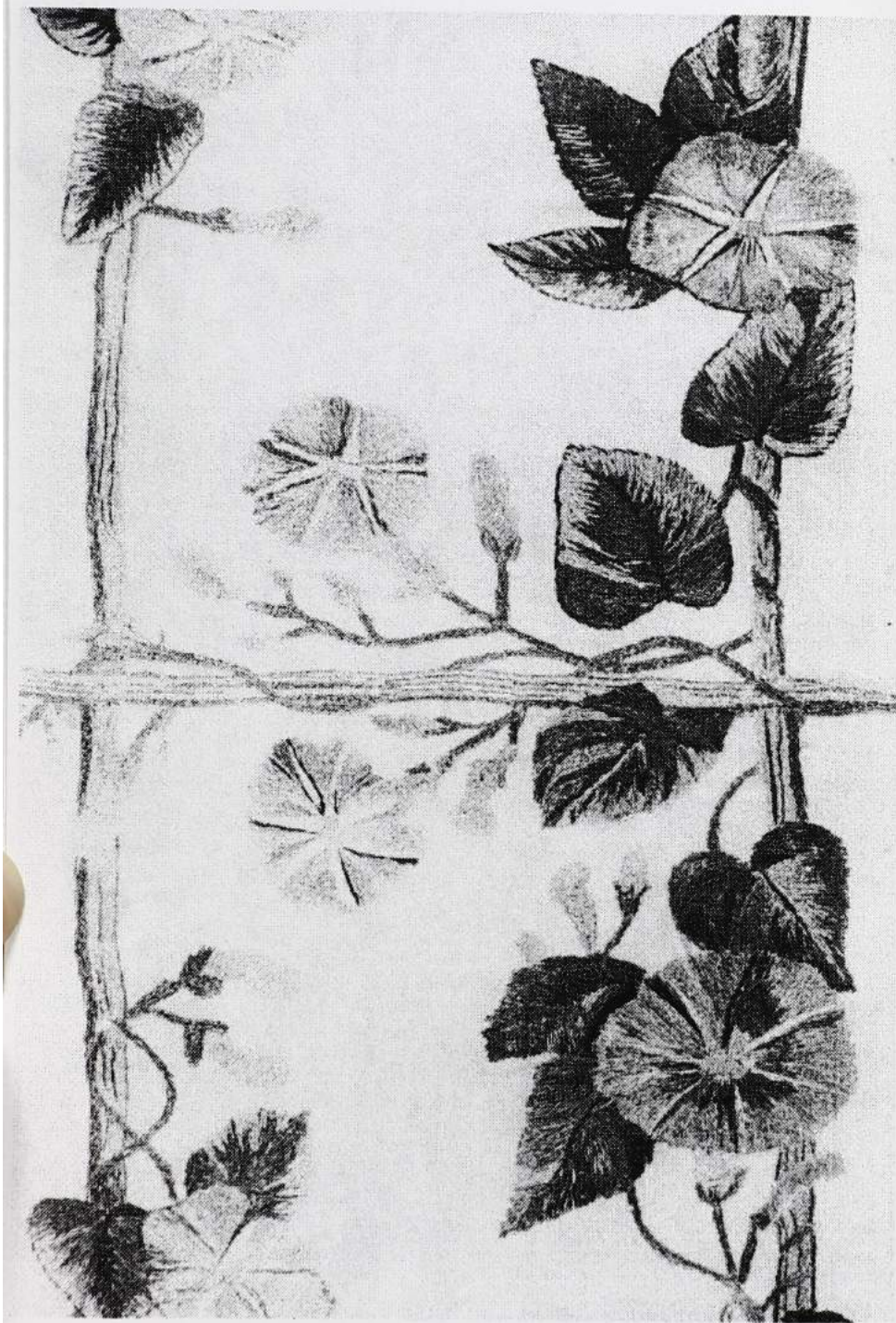
Когда дрожишь от ревности,
Считай, душевной бедности.

Когда хрипишь от ярости,
Считай, дела без ясности.

Когда пути порожисты,
Считай, без бед не можешь ты.

Над ними мы не властвуя,
Все же живем и здравствуем.

* * *

Смотреть и не иметь возможность
Касаться, сопереживать,
Блюдя морали осторожность –
Тень в зеркале поцеловать,

Идти, опровергая слухи,
В другую сторону всегда,
Ждать взгляд иль горечь оплеухи,
Будто решения суда,

Искру надежды высекая –
Готовность как угодно пасть...
Вот в годы зрелости какая
Чувств разрушительная страсть.

Женщине в белом костюме

Она ослепительна
В белом костюме,
Идет так, как будто,
Идет на таран.
За декольте
В голубеющем трюме
Колышутся фрукты
Неведомых стран.

* * *

Я – былинка, побитая ветром
Я устала от яркого света,
Мне б поближе к кустам придорожным,
Там от ветра хоть спрятаться можно.

А я выросла у поворота
И живу в постоянных заботах
Ускользнуть от колесных громадин
Все ломающих скорости ради.

Ведь во мне почему-то до срока
Собирается капелька сока...
Мне бы легче жилось между кочек
Если бы родился сыночек.

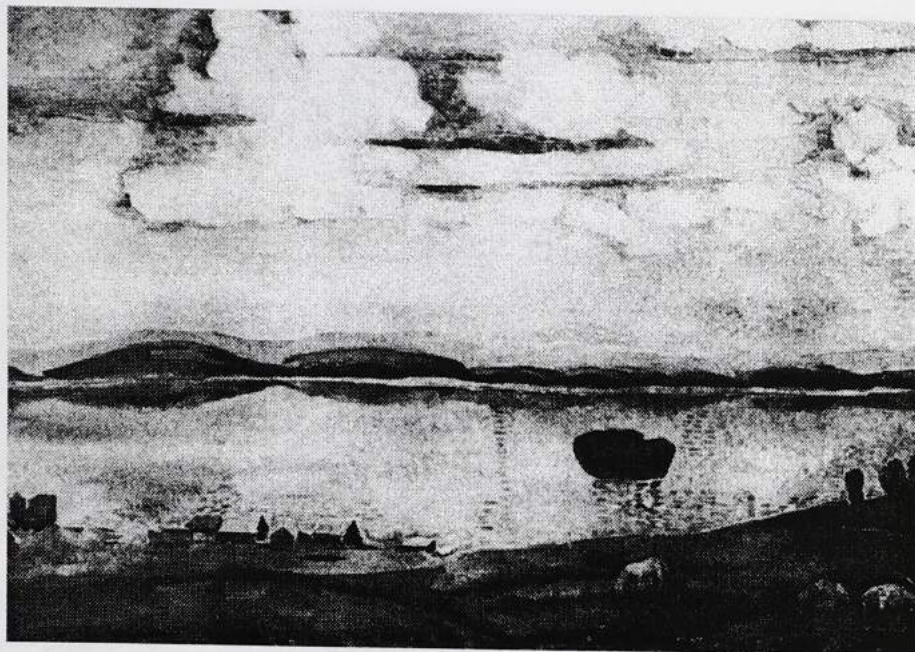
Клоуны

Я был репризами измучен.
Но, видно, так заведено:
Кто жизнью - как рыдать - обучен,
Тому смеяться не грешно.

Сквозит у каждого паяца
Желанье всех расцеловать.
Талант – заставить рассмеяться,
Но гений – сопереживать.

Лесной домик

Тишина

* * *

До рассвета, открыв трудно вежды,
Потянув сухожилия рук,
Наши пращурьы в белых одеждах
Выходили на поле за плуг.

И пахали свои десятины
Даже в полдень забыв отдохнуть,
Разгибая сутулые спины,
Чтоб кваску из лагушки глотнуть.

А потом широко и умело
Рассыпали зерно серебром.

Сотворенное в солнечно белом –
Откликается только добром.

* * *

Ну, что мы за люди?
Едим, что попало,
К соседям не ходим,
Штоф выпьем и мало.

Какими мы были!
Какими мы стали?
Когда-то любили,
А ныне устали.

Смеемся сквозь слезы,
Построим – ломаем,
И только в морозы
Чуть-чуть оживаем...

* * *

Какая тихая отрада
В прикосновении к стиху:
Как будто запахи из сада
Иль отзвук дальнего парада
Слов повседневных шелуху
Рассеяли.

Я счастлив тем,
Что полон стихотворным светом.
Не может быть избитых тем
В познание творческих систем.
Найти их – вот мечта поэта.

* * *

Дубовым запахом пропитан
Из бани русской выхожу,
Кваску шипучего пол-литра
Единым махом засажу,

И счастлив тем, что твердо, смело
Иду тропинкой, не спеша,
Что всею кожей дышит тело,
Пылинка тополя – душа!

* * *

Июнь парит. Слепит хозяин-свет.
В доме напротив окна, как колодцы.
Гляди, как быстро сгорает след
От самолета в печке солнца.

Слово о книге

Поговори со мною, книга,
Спать не давая до утра,
Что б я постиг единым мигом
Источник зла, итог добра.

С любовью отзовись о прошлом
И с новой мыслью подружи,
Скажи о чем-нибудь хорошем,
Что б я в твоих страницах жил.

Ты – суть согласия, стержень спора,
Прекрасно то, что между строк
Нашел я нить для разговора
И в прозе стихотворный слог.

Май 1998 года

Два дня шел снег. И середина мая,
Сбежав из города на солнцепек и дачи,
Под тяжестью беды сучки ломая,
Зашлась в истощном материнском плаче:

Дитя-листва скукожилась, поблекла,
Излились соком свежие изломы,
И поразился на пороге лета
Цветок снежинкам – лицам незнакомым.

Но каково же было удивленье,
Когда вздохнув протяжно и устало,
Береза утром, разогнув колени,
Через неделю девственно восстала.

* * *

На сердце операция...
Величье новой темы,
Когда и кровь в прострации,
Когда и губы немые;

Не помогает камфара,
Дыхание – отчаянно,
Сердечко, словно амфора,
Разбитая случайно;

Сокрытое, горячее,
Еще вчера живое –
Оно теперь незрячее,
Как свечка, восковое.

Тут слова “нумерация”
В помине даже нету.
На сердце операция –
Восьмое чудо света!

Стихом прощальный поцелуй...

Будущей жене

*Щеки, словно булочки,
Косы по спине,
В сельском переулочке
Встретилась ты мне.*

*В волосах каштановых
Лент цветастых вихрь,
Пацанва бесштанная
Вслед кричит: "Жених!"*

*Что ж, тебя приветствую
В звании лихом,
Будь моей невестою,
А я женихом.*

*На фате невестинной
Понашей цветов,
И трудиться вместе нам
До семи потов,*

*Чтобы я наличники, крася на окне,
Говорил: "А помнишь ли,
Как с ведром наполненным,
Встретилась ты мне?"*

Первая разлука

*Что скажешь ты мне на прощанье?
Слова прощания важны:
В них ласка, нежность, обещанье,
В них дом и голубые сны.*

*Нам расставаться вновь придется,
Ведь время не воротишь вспять,
И вряд ли жизнь так обернется,
Чтоб неразлучными нам стать.*

*Их будет много – грустных чисел
На вкус любой, на цвет любой.
Я извлекаю новый смысл
Из расставания с тобой.*

Дочери Светлане

*Мама – доктор, папа – врач,
Отдых лопается почкой,
Ани-охи, стон и плач –
Гриппом заболела дочка.*

*Градусник, компресс, укол,
Заколочены все рамы.
Кто из нас с ума сошел?
Может, папа, может, мама.*

*Но кроватке дочь не спит,
В боли свои бровки хмурит.
Папа с мамой сидит,
Мама плачет, папа курит.*

*И соседями давно
Все советы перепеты,
Только, видно, все равно
Не помогут их советы.*

*Папа спит и мама спит,
Носом в вышитую травку
Дочь тихонечко сопит.
Значит, дело на поправку!*

Сыну Сергею

*“Быть смелым, папа,
Это как?”*

*“Зажав в кулак наган и нервы,
На острие лихих атак
Шаг первый сделать только первым!”*

“Быть нужным людям, объясни...”

*“Представь, кочует ночь по дому,
Но вот зовут, ты гонишь сны
И помогать спешишь больному”.*

*“А что такое, папа, злость?
Вчера я дрался с другом Женей...”*

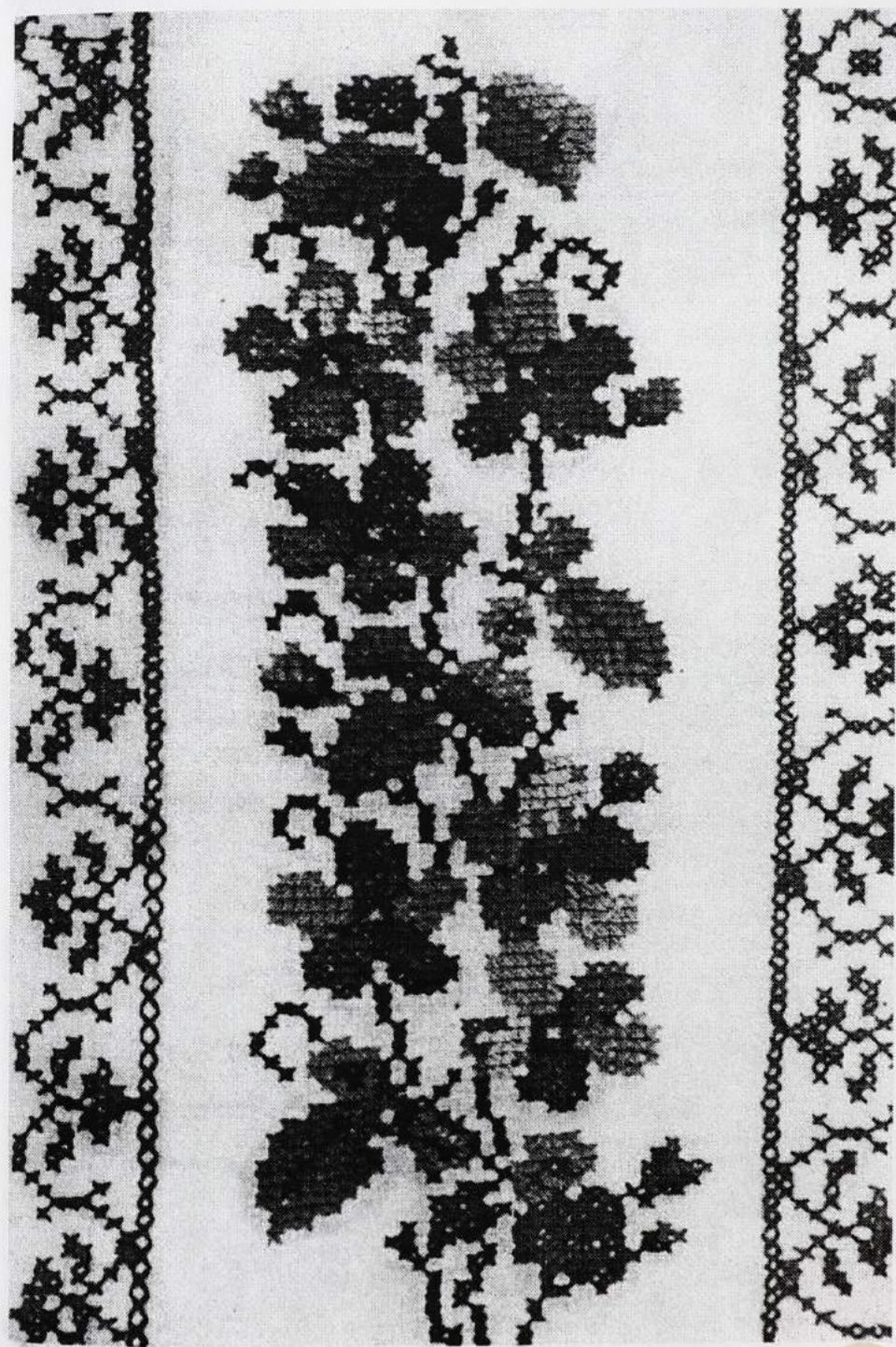
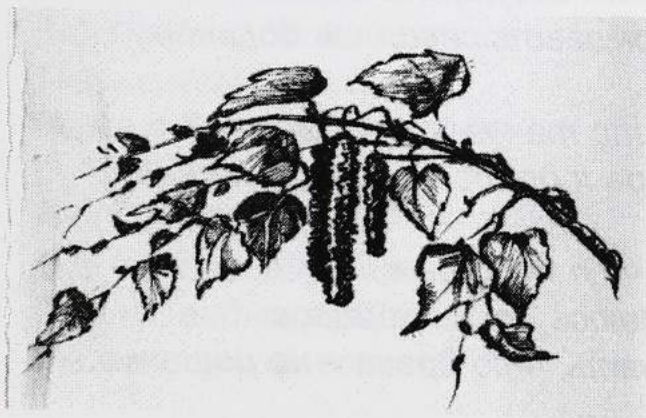
*“За что подрался, вот вопрос,
Надеюсь, ты уже дорос
Понять, что драка – не решенье”.*

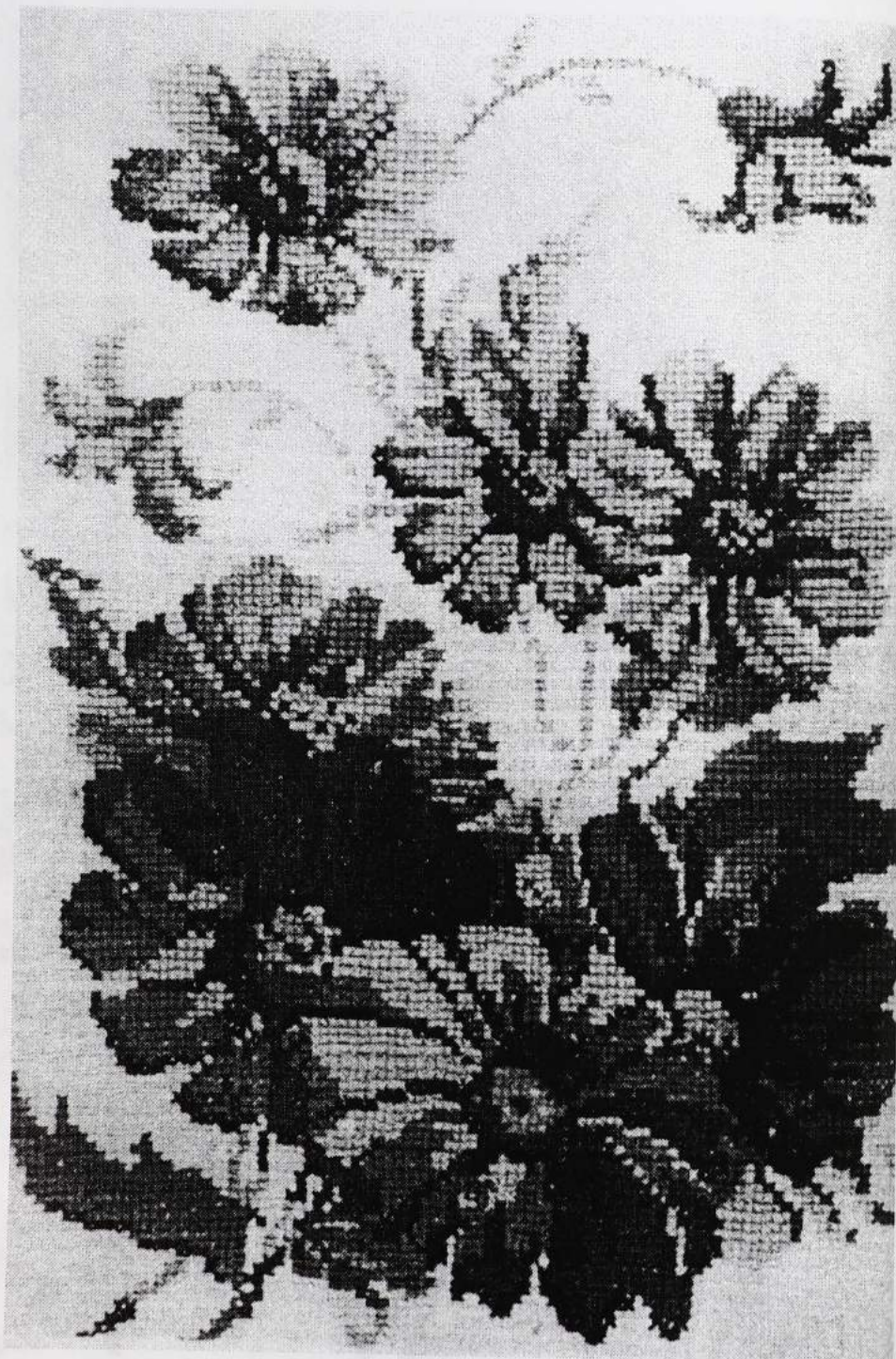
*“Ты о войне мне говоришь –
Она беда,
А сам военный...”*

*“Я в форме для того, малыш,
Чтоб над страной стояла тишь,
Ей нужен караул бессменный.
Ты сделал завтрашний урок?”*

*“Да, сделал.
И готов к ответу”.*

*Погас сентябрьский вечерок.
Я знаю, что наступит срок
И час для жизненных отметок.*

Сыну Ивану

*Не семени случайного плоды,
А пониманье важности задачи –
Мой младший сын – награда за труды
И пожеланье общее удачи.*

*Взрослеет он, и с ним взрослею я,
А, ежели, точнее, то старею,
И он, и я не то, чтобы друзья,
Но близкие приятели по свею.*

*Он для меня – всегда посильный груз,
Ведь своя ноша руки не оттянет,
Я счастлив, что пискля и карапуз
Когда-нибудь мужчиной крепким станет.*

*Мне тесен свет. Уже близки миры
Иные...*

Ты пиши почаще.

Мой сын, вы – продолжение игры

Меж прошлым, будущим и настоящим.

Жене

1

Мужчины путь –
Путь мужества, борьбы.
Уходим мы с родимого порога,
Что б испытать превратности судьбы
И горизонт своей рукой потрогать.

От дела разгораются глаза,
Не чужда нам заслуженная слава.
А на крыльце, как сотни лет назад,
Платком махая, плачет Ярославна.

2

Гарнизоны, гарнизоны...
Вы особенные зоны,
После свадебных колец
Испытание сердец.

Только ты имеешь право,
Не считаясь с моим нравом,
"От" и "до" без пересадки,
Напрямик и без оглядки
Рассчитать за то, что делал,
Где бывал и что обедал,
Почему довел до слез,

Понарошку иль всерьез,
Отчего рукав разорван,
Где был лагерь образован,
Для каких-таких целей
С полки взято пять рублей.

Я отвечу очень быстро
Что ученья прошли чисто,
Лагерь там же, где и был,
О тебе не позабыл
И привез (прием не нов)
Связку ярких фазанов,
Что рукав порвал о люк я,
В слезы ввел за то, что злюка,
А на деньги в магазине
Куплен был спиритус-вини.

Нагревай скорее воду –
Буду я смывать природу:
С плеча левого – лист клена,
С рук – разводы от зеленков,
Из сапог – иголок плети,
А с лица – паучьи сети.

Молодея и дурачась,
Перекроешь кран горячий
И доскажешь, весела:
"Долго ж я тебя ждала!"

3

Ты – моя тихая пристань,
С волнами буйными споря,
Сердцем печально не выстынь
В бурях с житейского моря.

4

Поезд тронулся без рывка,
Ты осталась у края платформы,
Провожая не для проформы –
До прощального до гудка.

Все быстрее, быстрее, быстрее
Вдоль раскрытых, вагонных окошек
Уплывала фигурка твоя
В белом платице в черный горошек.

И покуда увидеть я мог,
(Здесь сокру только самую малость),
Вслед махал мне твой тонкий платок.
Или это мне только казалось...

5

Жена моя... Печаль моя,
Слова любви от "А" до "Я",
Мои осенние поля,
Обетованная земля.

Жена... Подарок от утрат,
Судья, свидетель, старший брат,
Умней в поступках во сто крат
И над зарплатою пират.

Жена... Недремлющий пилот,
Слезинка, покоритель мод,
Соломинка, снежинка, плот,
Инспектор, фокусник и мот.

Как отпущенье за грехи,
Стена от жизненных стихий,
Очаг, огонь, вода, семья,
И сам я – все – жена моя.

6

Да, я тонул в событиях и людях,
В водоворотах бытия,
Бывало так – по судорогам судя,
Теряя собственное "я".

И, задыхаясь в злобе и обиде,
К тебе я направлял свой путь,
Чтоб лишь с тобой и воздуха глотнуть,
И на поверхности соломинку увидеть.

7

По щекам сентябрьский дождь
Лился, губы теребя:
"Милая, кого ты ждешь?"
"Жду, - ответила, - тебя".

"Почему же плачешь ты?"
"Я соскучилась, родной..."
Все домашние цветы
Называются – женой.

Выходной

1

Был праздник для семейных отношений:
В сандалях начат день,
Не в сапогах,
Чертила мне для удочки мишени
На водной глади рыба мелюзга.

Сын по кустам, дурачась и играя,
С протяжным и взрослеющим "Ура-а",
Сухие ветки, листья собирает
Для очень-очень нужного костра.

Дочь варит суп из камушков-картошек,
Трава – капуста, соль ее – песок,

Вздымая птиц, распугивая мошек,
Звенит над речкой звонкий голосок.

Июль палит. Впервые загорая,
Жена, не плача, нарезает лук,
Попутно – хлеб, и часто замирает,
Прислушиваясь к шорохам вокруг.

Покрылись плечи розовым налетом,
Ласкает руки теплая вода,
Я провожаю взглядом самолеты
И думаю о службе. Как всегда.

2

Дождем прозрачным вымыта скамейка,
Сквозь дверь влезает запах неземной,
И лучик солнца, окунувшись в лейку,
Выходит в дырки радугой цветной.

Наполнен двор капли перезвоном,
Ковром сплошным слюится грязь у ног,
Но просят уже, хоть по балкону,
Пройтись в сапожках дочка и сынок.

Жене

1

Пахнет прелой листвой, будто ладаном,
Об ушедшей весне не грусти,
И, наверное, больше не надо нам
Облетевшей листве счет вести.

Отгремело веселье, отмучило,
Обветшала житейская гать,
И зимы просмоленное чучело
Время новым влюбленным сжигать.

Так давай же мы в пику беспечности,
Соблюдая во всем прок и пост,
Вместе глянем в лицо близкой вечности
В перископы мерцающих звезд.

2

От ссоры усталость осталась,
Чужой показалась судьба,
Как будто со стоном сломалась
Под ветром холодным верба.

Из дали разлукой пахнуло –
Печатью земного суда,
И походя кучей смахнуло
Прожитые вместе года.

Мы были усталые оба,
И вырос потайный вопрос:
Что делать? Немедленно! Чтобы
В решенье вопрос не пророс.

Душа заходила от крика,
Дорога была неясна,
Когда ты сказала: "Смотри-ка!
Опять за окошком весна!"

И сразу в глазах потеплело,
И стала ладонь горяча,
И я, будто юность, несмело
Согбенные поднял плеча.

3

Хочу опять неосторожно,
(Не от лукавого ль та власть?),
Не сожалея и безбожно
В глубины глаз твоих упасть.

Бездоньем карим увлекаясь,
Проплыть отпущенный мне путь,
И не спасаясь, и не каясь,
В них хоть навечно утонуть.

И чувствам жарким на потребу
Отвечу вновь в который раз:
"Пусть я уйду, но светит небо
В зрачках твоих вечерних глаз!"

4

Наша жизнь – от письма до письма,
Я с тобой – от встречи до встречи,
День, как тлеющая тесьма,
И его заменить чем-то нечем.

С отвращеньем смотрю на вокзал
И опять констатирую грустно:
Счастлив тот, кто в разлуке познал
На двоих разделенное чувство.

5

А ты – в потоке света,
Из глаз – лавина слез,
Стою и жду ответа
На мой немой вопрос.

Уткнувшись мне в рубашку,
Произнесла едва:
"Разби-разбила чашку..."
Прекрасные слова!

6

Золотом горит над рожью
Негасимая звезда.
Зябкой, трепетною дрожью
Загундели провода.

Середина жизни тает,
А "тепла" все нет и нет.
Бабочек-капустниц стая
Красится под лунный свет.

Светлым облачком струится
Из подпечка писк котят.
Хорошо на крыше птицам,
Захотят – и улетят.

На окно дохну туманом,
Блик звезды согну дугой.
Эта жизнь была обманом.
Что же будет в той, другой?

Неужели в мир нетленный,
Где мы встретимся с тобой,
Вновь зелено-грязной пены
Нанесет речной прибой?

7

Моя милая, будто снежная
Зима-зимушка неминуемая,
Очень редко – рябина нежная,
Очень часто – крапива жгучая.

Одолели ли думы проклятые?
Но похожи на ножики фразоньки,
Если плачет – сквозь зубы сжатые,
А смеется – потупив глазоньки.

Надоели ли ласки натрыжные,
Как иголки от высохшей елочки?
Только где наши горочки лыжные
Да березовые проселочки...

И гляжу я в окно задумчиво,
Где размыта дождями тропиночка.
До чего же меня измучила
Неприветливая половиночка.

8

Зимний день свечой растаял
Над горячею трубой.
Посумерничаем, Таня,
Побеседуем с тобой.

Пыл словесного пожара
Через полчаса угас.
Жилка нервная дрожала
У твоих уставших глаз.

Но когда слова не прямые,
Они тлеют и горчат.
То ль стучится кто-то в раму?
То ль сердца наши стучат?

В гиблом омуте разлуки
Слово вечное губя,
Одиноко наши руки
Заплелись вокруг себя.

За окном пурге не спится,
В вихре белых отрубей
Ты – заморская синица,
Я – российский воробей.

Есть великой силы тайна
В холодке любимых глаз...
Посумерничаем, Таня.
Может быть, в последний раз.

9

Любовь обидам не убить.
Ее сражает лишь презренье,
Молниеносное прозренье,
Что больше искренним – не быть.

И ощущение – игра
Все сущее, что будет дальше,
Ведь холод ежедневной фальши
Сковал далекое “вчера”.

Вчера любили сгоряча,
А нынче горькое “обязан”.
Так раб, саднящей цепью связан,
Сам пал на острие меча.

Он смог. А я все жду любви,
Не веруя в судьбину злую,
И цепи рабские свои
По разрешению целую.

10

Ровная дорожка – слово “да”,
И обвалом – рухнувшее “нет”,
Первое – далекая звезда,
А второе, как погасший свет.

Да! – ты мне почаще говори.
Нет! – не жизнь, подобие ее.
Не родится утро без зари,
Не бывает вечным бытиё.

Значит – “да!” – сто тысяч раз подряд,
И тогда – встречаем мы рассвет!
Почему же твой упрямый взгляд
Снова говорит мне слово “нет”?

11

Когда мороз в душе,
То и весной – прохлада,
И к милой в шалаше
Я не “Бегу!..”, а “Надо...”

Когда твои глаза
Толкают в грудь, как вьюга,
Уверен, что нельзя
Нам обижать друг друга.

Я знаю, холода
Уйдут знакомой тропкой,
И вьюга ерунда...
Но только сердцу знобко.

И это все о ней

*Неужель я когда-то умру?
Без меня заскребут где-то мыши,
Петухи запоют поутру,
А я голоса их не услышу.*

*Будут ведра нырять в глубину
Даже летом холодных колодцев.
Неужель я так крепко усну,
Что не встречу тебя и весну,
Что просплю восхождение солнца?*

13

*Нет, весь я не умру!
Останется частица
Души моей в березах и бору,
И солнце полевою голубицей
Мне песню проворкует поутру.*

*Нет, не уйду я весь,
Ты повернись ко мне,
Я есть во всем,
К чему ты прикоснешься,
То поругаешь, то приветно улыбнешься —
Я со щитом и снова на коне.*

*Кто в мире я? Стираемый стрижок,
Жизнью-художницей
Уроненный небрежно,
То лихорадочно, а то воздушно-нежно,
То каплей убегающий в песок.*

*Каким бы ни был,
Все ж творил добро,
И рук не пожимал я над порогом.
Не забывай, что ты —
Мое ребро,
Ты часть меня,
Воссозданная Богом.*

*Вот почему я солнцу поутру
Заулыбаюсь признанно-беспечно.
Я потому хотя бы не умру,
Что ты останешься.
И будем жить мы вечно!*

* * *

Сколько нас, незнакомых и разных,
Сколько было нас, будет и есть,
И нескромных, и безобразных,
И красивых, что глаз не отвести.

Завещал нам Господь всепрощенье,
Но его не найдешь днем с огнем,
Ежечасное ощущение,
Что мы резать друг друга начнем.

Счастье близким дарить мы не в силе,
Тонут люди в обилии зла...

Чу, опять за рекой зазвонили
Церкви Спаса колокола.

* * *

С годами слетает с событий
Словесная шелуха...
Я все, что вокруг, где-то видел
И запахи эти вдыхал.

До боли щемящей знакомы
Скрипучие звуки колес,
Ветла у соседнего дома,
Заросший осокою плес.

То ль в прошлом пожил я немножко,
Но часто на мысли ловлюсь,
Что в смех за заветным окошком
Я снова, как прежде, влюблюсь.

Дойду до калиточки хлипкой
И сдамся (в который раз!) в плен
Девчонке с веселой улыбкой
И в платице выше колен.

А после, как в век заполошный,
(Какой же тогда грянул век?),
Сведут по военной дорожке
Рекрутом в кавказский набег.

И так же тревожно, несладко,
Забывшись в прерывистом сне,
Одна докукует солдатка
Свой век.

Не по нашей вине.

Россия

Наше жизненное кредо –
Из забот хоть пруд пруди:
На земле отцов и дедов
Трудно дышится груди.

Мы самим себе не веря,
Не пуская на постой,
Вмиг закрючиваем двери
Перед нищенкой святой.

И она бредет по свету,
И неведом ей покой,
У крыльца оставив мету
Черной, сколотой клюкой.

А потом на мясоеды
Удивляемся всегда:
Были беды нам – не беды,

А теперь кругом беда.

Отрыгнемся сытой пищей,
Хмель рассолом смыв с лица...
Неужели мать нищей
Будет согнана с крыльца?

Друг от друга нам не деться,
Надо верить и терпеть.
Запусти Россию в сердце,
Если им желаешь петь.

* * *

Моя Родина – Мать,
Пред тобой – самый верный холоп,
Не лупи по щекам меня
Мокрыми ветками ивы,
Не хлещи по глазам
Опадающей лиственной гривой
И сосулькой, как пулей,
Не бей мне под сердце и в лоб.

Жизнь груженной телегой
Ломилась по зеркалу луж
И сосной одинокой
Повисла на сивом тумане,
Но коль вырос я здесь – не шепчу,

Что теперь я не дуж,
Не держу ни кулак
И ни фигу на Матерь в кармане.

На коленях вползу я
В твою леденящую грязь,
Хоть немного согрею тебя
Своим остывающим телом,
Беззаветно надеясь
И претендуя несмело
На единую долю
И нашу душевную связь.

Ты скажи, может, чем-то
В беде и смогу я помочь,
Может, снова вернемся
Из осени в теплое лето,
Но нет сил погружаться в бардак,
Как в бездонную ночь,
Ты мне только моргни -
Я подставлю плечо.

Нет ответа.

Старый колодец

Подари мне, колодец,
Вкус холодной воды,
Будто сладкого меда
От простуды-беды.

Ты по-прежнему в силе -
Баловник огурцов,
Лишь подточена гнилью
Связка верхних венцов.

Мы с тобой в переулке
На вечерней заре
Размочили две булки
На губах и в ведре.

И пока солнце светит
Говорю, не тая:
"Будем жить мы на свете,
Как друзья, ты и я!".

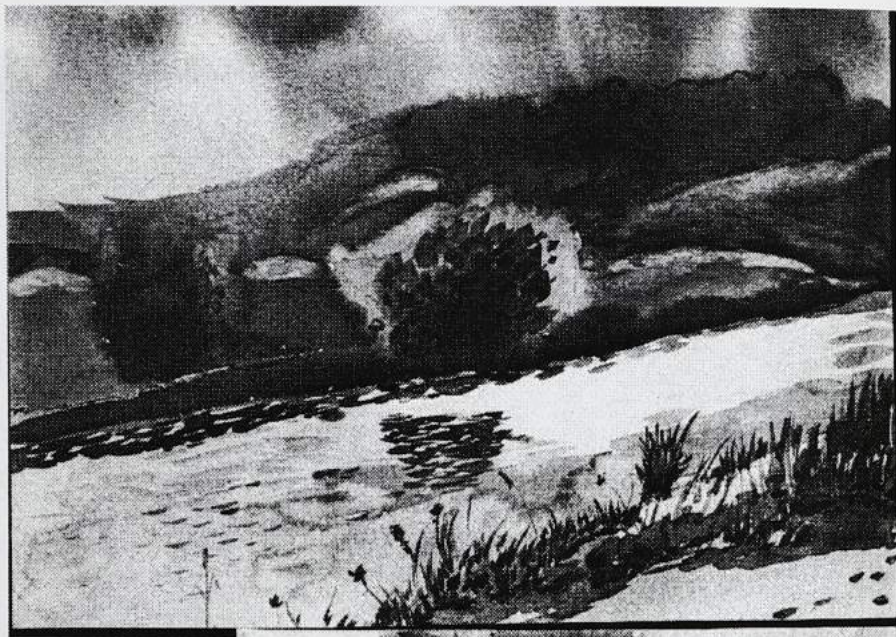
* * *

Свети звезда моей удачи,
Сторонкой обойди покой,
Чтоб день я начал не иначе,
Как новой, чуткою строкой.

Чтоб я, мужая год от года,
Стихами думал, верил, жил –
И тем у русского народа
Поэта званье заслужил.

Лесная поляна

Придорожный куст

* * *

Ошибок вновь не повторить
И безрассудно не влюбляться,
И беззаботно не смеяться,
И слов “я –твой” не говорить.

Пора цветения прошла
И надо браться мне за дело,
Чтобы душа не только пела,
Но и всплакнула, чуть дыша,

Над тем, что сделать позабыла
В разгуле беспокойных дней,
Ведь то, что было – это БЫЛО,
А то, что БУДЕТ – посложней.

Содержание

1. Ах, мой упрямый, дерзкий карандаш.....	3
2. Муравейник.....	5
3. Сторона моя, сторонка.....	7
4. Уходящей зиме.....	7
5. Весна.....	8
6. Летний дождь.....	12
7. Жаркий полдень.....	13
8. Девушка и дождь.....	14
9. Под дождями лето тает.....	15
10. Осень.....	16
11. Грустная песня.....	17
12. Путешественники (рассказ).....	18
13. Что детские забавы?.....	23
14. Мне приснились стихи.....	24
15. Старинная песня.....	27
16. Притча о колодце.....	29
17. Пятак.....	30
18. Я не любовник легкокрылой Музы... 31	31
19. В сырость вязкого тумана.....	32
20. Озеро (рассказ).....	33
21. Есть в России селенье Коровье.....	36
22. В автобусе.....	37
23. Собеседнику.....	38
24. В ожидании свидания.....	39
25. Ночной марш-бросок.....	40
26. Как женщины недолог век.....	41

27. Александру Сергеевичу Пушкину... 42	42
28. Как память о первой любви.....	46
29. Притча о глупом ручье.....	49
30. На охоте.....	50
31. Дома, как и люди.....	51
32. Приморский край.....	52
33. Разговор автомата с мишенью.....	56
34. Счастье артиллериста.....	57
35. Полигонный дождь.....	58
36. Пограничный дот.....	59
37. Солдатская служба.....	60
38. После "тревоги".....	61
39. Ночная стрельба.....	62
40. В лычках или в звездочках погон... 66	66
41. Я заблудился.....	67
42. Письмо родителям.....	68
43. На улицах и в парках.....	70
44. Ташкентское метро.....	72
45. О, Азия.....	74
46. Москва.....	76
47. Январский Киев.....	77
48. "Вечерняя заря".....	78
49. Офицеры.....	79
50. О вере.....	82
51. Рассказ отставника.....	84
52. Блокъ.....	89
53. Стихам предшествует волнение. 90	90
54. Эй, разбойнички лихие!.....	91
55. Житейская история.....	92
56. Между ночью и утром.....	94

57. Горсть твердого, как камушки, зерна.....	95
58. Николаю Пономареву.....	96
59. Эмоции, эмоции.....	100
60. Смотреть и не иметь возможность.....	103
61. Женщине в белом костюме.....	104
62. Я – былинка, побитая ветром.....	105
63. Клоуны.....	106
64. До рассвета.....	109
65. Ну, что мы за люди?.....	110
66. Какая тихая отрада.....	111
67. Дубовым запахом пропитан.....	111
68. Слово о книге.....	112
69. Май 1998 года.....	113
70. На сердце операция.....	114
71. Стихом прощальный поцелуй	
- щеки, словно булочки.....	116
- первая разлука.....	117
- дочери Светлане.....	118
- сыну Сергею.....	119
- сыну Ивану.....	123
- мужчины путь.....	124
- гарнизоны, гарнизоны.....	124
- ты – моя тихая пристань.....	126
- поезд тронулся без рывка.....	126
- жена моя – печаль моя.....	126
- да, я тонул.....	127
- по щекам сентябрьский дождь.....	128
- выходной.....	128
- пахнет прелой листвой.....	130
- от ссоры усталость осталась.....	130

- хочу опять неосторожно.....	131
- наша жизнь - от письма до письма.....	132
- а ты – в потоке света.....	132
- золотом горит над рожью.....	133
- моя милая, будто снежная.....	134
- зимний день свечой растаял.....	134
- любовь обидам не убить.....	136
- ровная дорожка слово “да”.....	136
- когда мороз в душе.....	137
- и последнее.....	138
72. Сколько нас, незнакомых и разных.....	140
73. С годами слетает с событий.....	141
74. Россия.....	142
75. Моя Родина – Мать.....	143
76. Старый колодец.....	145
77. Свети, звезда, моей удачи.....	146
78. Пора цветения прошла.....	149

Филимонов
Владимир Иванович

Пора цветения

(стихи, проза)

(под редакцией и на средства автора)

Автор акварелей - Филимонов
Иван Яковлевич

Автор вышивок - Филимонова
Татьяна Михайловна

Консультации по верстке -
В. Логиновский, А.Викулин

Художник - Николай Пономарев

Сдано в набор 16.03.03. Подписано в
печать 17.03.03 Кол.экз. 100

Формат А 6. Бумага офсетная.

Гарнитура стандартная.

Печать высокая. Заказ № 1134

Отпечатано на ризографе Курганского
областного института
усовершенствования учителей

20-00